

**ВЛАДИМИР
БУШИН**

**Я ЖИЛ
ВО ВРЕМЕНА
СОВЕТОВ**

ДНЕВНИКИ

Владимир Бушин

**Я жил во времена
Советов. Дневники**

«Алисторус»

2014

Бушин В. С.

Я жил во времена Советов. Дневники / В. С. Бушин —
«Алисторус», 2014

Выдающийся публицист современности, как его часто называют, последний рыцарь советской эпохи – солдат Великой Отечественной Владимир Сергеевич Бушин прошел боевой путь от Калуги до Кенигсберга. Потом были Маньчжурия, война с Японией... И в мирное время, в литературе, он всегда оставался на передовой. Еще на фронте, двадцатилетним, начал вести дневник. С тех пор, часто повторяя тютчевское «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые», в разные периоды жизни доверял себя дневниковым записям, ничего не утаивая и не приукрашивая, в любые ее переломы оставаясь человеком чести, не изменявшим своим убеждениям. В книге своих дневников Владимир Бушин неожидан и узнаваем, ироничен и правдив. Она охватывает практически семь десятилетий, начиная с военного времени по день сегодняшней, и раскрывает общественную атмосферу нескольких эпох, события творческой и личной жизни автора.

© Бушин В. С., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Но прежде замечу...	5
Я жил во времена Союза...	15
Ничего иного	15
Ты знал!.	16
Мое время	17
Долголетие и долг	18
Энергия заблуждения	19
Авва отче!.	20
Книга первая	21
Из дневника 1944 года	21
Из дневника 1945 года	54
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Владимир Сергеевич Бушин

Я жил во времена Советов. Дневники

Но прежде замечу...

Я начал вести дневник в двадцать лет на фронте. Уже после войны узнал, что это запрещалось, но я никаких запретов не изведаль, может быть, потому, что, будучи радистом, делал записи чаще всего во время одинокого ночного дежурства на РСБ (радиостанция среднего бомбардировщика, установленная в виде закрытого фургона на полуторке). К тому же я был комсоргом роты, и в этом качестве нередко приходилось бывать в ее разных, разбросанных по линии фронта взводах и отделениях, т. е. быть не на глазах начальства. Это также давало определенные возможности для ведения дневника. Да и знал о моем дневнике, пожалуй, только мой ровесник и друг Райс Капин, казах из Ташкента, с довольно странной для казаха фамилией. Светлая ему память...

Мариэтта Чудакова, известная специалистка по дневникам, пишет, что форма дневника «позволяет создавать иллюзию свободного выражения мыслей и впечатлений автора» (КЛЭ, т.2, с.707). Что за чушь – почему иллюзию? Я писал все, что хотел, безо всяких иллюзий. Другое дело, что в моем дневнике нет записей, например, подобных этой:

«Утро человека начинается бурной физиологией. Человек гадит, мочится, издает звуки, харкает и кашляет, чистит протухшую табачищем пасть, вымывает гной из глаз и серу из ушей, жрет, рыгает, жадно пьет и остервенело курит. Насколько опрятнее пробуждение собаки.

Тяжелое хамство дремлет в моей груди.

Не осталось ничего, лишь скучная, бессильная злоба».

Какая тонкая наблюдательность! Какая откровенность! 3 ноября 1951 года это написал в своем дневнике уже всего объевшийся, утопавший в богатстве 32-летний мизантроп Юрий Нагибин.

Или вот что записал в дневнике 10 сентября 1976 года Андрей Тарковский: «В ночь на 9-е умер Мао Цзэдун. Пустячок, а приятно» (РГ.21.2.08). И это о смерти человека, который возглавил борьбу великого народа против многовекового рабства хищников Запада и привел к победе... Я подобную запись не мог сделать даже 30 апреля 1945 года, когда мы узнали о самоубийстве Гитлера.

В моем дневнике нет таких записей просто потому, что у меня совсем другие глаза, иная натура, совершенно непохожий склад ума. У осетинского поэта Бориса Муртазова есть стихотворение «Разные глаза». В моем вольном переводе оно выглядит так:

– Мне тошно на московских улицах! —
Сказал один москвич, мой друг. —
Иду – и хочется зажмуриться
От рож каких-то, от пьянчуг!..
Ответил я: – Ничуть не меньше
И у меня хлопот с Москвой:
Такая пропасть милых женщин,
Что так и вертишь головой!

В этом все дело.

Но Чудакову далеко превзошел критик Бенедикт Сарнов. Он уверяет, что иные советские писатели хитроумно нахваливали в дневниках Советскую власть, создавая иллюзию своей

лояльности и даже любви к ней. Зачем? А это, говорит, «для глаз будущего следователя». Вдруг, мол, нагрянет ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ и при обыске уж непременно обнаружит дневник, а там – сплошные восторги о Советской власти и здравицы в честь товарища Сталина или раскаяния в своих антисоветских заблуждениях. Ну, и все подозрения тотчас рассыплются в прах. Может, еще и орден или Сталинскую премию дадут хитрецу.

В качестве примера Сарнов называет известного до войны драматурга А.Н.Афиногенова, автора талантливых пьес, в том числе замечательной «Машеньки», по которой в 1942 году был поставлен фильм, тогда же, в дни войны получивший Сталинскую премию. Автор пьесы этого не дождался. Сарнов приводит такую, допустим, запись драматурга: «Нет, все же наше поколение неблагодарно, оно не умеет ценить всех благ, данных ему Революцией. Как часто забываем мы все, от чего избавлены, как часто морщимся и ежимся от мелких неудобств, чьей-то несправедливости, считаем, что живем плохо. А если бы мы представили себе прошлую жизнь, ее ужасы и безысходность, все наши капризы и недовольства рассеялись бы мгновенно, и мы краснели бы от стыда за свою эгоистическую забывчивость... Я всем сердцем люблю новую жизнь!». Критик убежден: это – для Ежова! Он уверен: интеллигентный человек не может любить Советскую власть, не может думать, что в прошлом были ужасы, которых при Советской власти уже нет. Как и о том, что в нынешней России столько ужасов, коих мы не ведали в Советское время.

А Александр Николаевич погиб в 1941 году во время налета немецкой авиации на Москву. Между прочим, это случилось в здании ЦК, на которое упала бомба. Странно, что Сарнов не использовал сей факт для доказательства того, что Афиногенов сознательно выбрал место своей гибели, чтобы еще раз заверить партию и правительство в своей преданности и любви. Странно и то, отчего критик, приведя известные строки из дневника К.Чуковского о том, как они с Пастернаком наперебой восхищались Сталиным, увидев его в президиуме съезда комсомола, не зачислил и это в графу «для будущего следователя», для Ягоды.

В нашей литературе наиболее известны короткие дневниковые записи Пушкина, «Дневник писателя» Достоевского, многолетние, с 19 лет до смерти, дневники Толстого, короткие записи Чехова... В более позднее, в Советское время – Бунина, Пришвина, Чуковского, «Рабочие тетради» Твардовского, воспоминания Эренбурга, Нагибина, Куняева... В сущности, своего рода дневниками оказались и «Камешки на ладони» Солоухина, и «Затеси» Астафьева, и «Мгновения» Бондарева... Я думаю, что все упомянутые писали дневники не из страха перед Третьим отделением или КГБ и даже не перед самим Сарновым. Так писал и я, не пытаясь создавать никаких иллюзий.

Надо еще заметить, что я начинал дневник, разумеется, безо всякого прицела на публикацию. Ну, кого могли заинтересовать писания двадцатилетнего безвестного солдата? Да я и сам не думал о литературском будущем, хотя вскоре начал печатать стихи в армейской газете «Разгромим врага». Однако гораздо позже, когда мое имя замелькало, даже, можно сказать, замельтешило в прессе и встало в определенный литературный ряд, читатели не раз обращались ко мне с предложением или с просьбой написать воспоминания. Так, незнакомый мне В.Андрианов после публикации в «Завтра» моей статьи о поединке на телевидении Г.Зюганова и демократа Л.Гозмана прислал мне по интернету 29 апреля 2011 года и упрек и призыв: «Владимир Сергеевич! Зачем Вы тратите драгоценные «снаряды» своей публицистической «пушки» на таких ничтожных политворобьев, как Леонид Гозман? А кому интересны бредовые выхлопы ума подельника Горбачева по развалу страны и всего соцлагеря бывшего секретаря ЦК Валентина Фалина или убогой думской функционерши «Едра» Яровой? Их и знать-то никто не знает! А Гозман настолько сер, безлик и тягостен... Двойник Льва Новоженова. Треп этих людей просто смешон, и вступать с ними в дискуссию на полном серьезе – это создавать им рекламу. Извините, но для такого автора, как Вы, это мелкотемье».

Я согласен с оценками «этих людей», но согласиться, что понапрасну веду пальбу из пушек по воробьям, не могу. Да, воробьи! И сами по себе они меня совершенно не интересуют, и я не рассчитываю ни устыдить их, ни переубедить. На это, похоже, надеется Геннадий Зюганов. Он то уверяет их, что им будет стыдно за те гнусности, которые они льют на Ленина; то приглашает посетить сайт КПРФ; то говорит: «Перечитайте переписку Сталина с Рузвельтом и Черчиллем». Пере-? Да они ее и не читали, скорей всего и не знают о ней, ибо все это их совершенно не интересует, чуждо им и отвратительно.

Да, говорю, это воробьи, но им же предоставлены самые высокие в стране трибуны, их слушают миллионы и они в сущности тиражируют не свои собственные «брედовые выхлопы ума», а взгляды, мысли, оценки враждебной народу верховной власти. Они – лишь повод, чтобы ударить по позиции именно антисоветской верхушки. И я вовсе не «дискутирую на полном серьезе». То, что я проделываю с ними, называется иначе.

А дальше В. Андрианов пишет: «Мне кажется, Вы должны заняться писанием мемуаров. Интереснейшего материала у Вас уйма. Детство, юность, война, Литинститут, Ваше становление как поэта и писателя, встречи с великими людьми, перестройка, Ваша яростная борьба с разрушителями СССР... Все это было бы чрезвычайно интересно и познавательно.

Большая просьба: отложите в сторону всю текучку, возьмитесь за очень нужное для читателей и для истории русской литературы дело – за воспоминания!»

Недавно Светлана Лакшина даже попросила у меня почитать мои воспоминания – от кого-то слышала, что они уже опубликованы. Увы... Воспоминания это совсем иной и очень соблазнительный жанр. Но дневник в какой-то мере может заменить воспоминания, а в некотором смысле он даже предпочтительней. Тем более, что я буду дневниковые записи сопровождать примечаниями нынешних дней и воспоминаниями.

Но чтобы ввести читателя «в курс моей жизни» начать придется именно с воспоминаний, точнее, с биографической справки. Если кратко, то выходит дело так.

Я родился 24 января 1924 года в Глухове. Это недалеко от Ногинска (Богородска), что в Московской области. Мать, Мария Васильевна, в молодости работала ткачихой на фабрике или, как тогда говорили, мануфактуре Арсения Ивановича Морозова, кажется, одного из знаменитого рода фабрикантов. Я после двух сестер был третьим ребенком в семье, вернее, четвертым, – первенец моих родителей умер в младенчестве. Мать тогда уже не работала. Отец, Сергей Федорович Григорьев-Бушин, лет в двадцать окончил Алексеевское юнкерское училище, что находилось в Лефортове, словом – офицер царской армии, позже – врач-хирург и член партии, уже просто Бушин. И мать до моего рождения какое-то время тоже состояла в партии. Отца почему-то часто переводили по работе с одного места на другое в пределах Московской области. Он был главным врачом в Минине, Раменском, Кунцеве, а с 1933 года, видимо, когда я начал что-то соображать, мы жили в Измайлове, которое тогда было подмосковным селом. Его образующим центром с давних дореволюционных времен являлась прядельно-ткацкая фабрика, а потом и колхоз «Красная гряда». При фабрике – несколько больших и не очень больших корпусов и домов в два-четыре этажа, которые с дореволюционных времен называли спальнями. В них жили рабочие и все сотрудники фабрики. Существовало два двора – старый и новый, почему-то получивший название Балкан. Тут же была хорошая полутрехэтажная больница, тоже дореволюционная, где отец работал главным врачом. Последнее место его работы – уже в самой Москве, какая-то большая больница в Сыромятниках. Я там не был, но помню горделивые восторги деда: «Какая больница!...» Отец умер в 1936 году... Однажды в Коктебеле я написал стихотворение «Воспоминание в Крыму об отце».

Он умер от чахотки в сорок.
Его в Крыму бы полечить!
Но нелегко туда в ту пору

Путевку было получить.

Но, впрочем, и не в этом дело,
А в складе том умов, сердец,
При коем дух превыше тела, —
Таким и был он, мой отец.

То партиячка, то субботник —
И всюду первым, не вторым —
То мореплаватель, то плотник...
И где там Крым! Какой там Крым!

А я, продукт эпохи новой,
Дитя литфондовских щедрот,
Благополучный и здоровый,
В Крыму едва не каждый год.

А мать умерла в 1981-м. Это было в Нагатино, где она жила со старшей дочерью. Я сидел у ее постели, она гладила мне руку и говорила: «Я ухажу...» Почему-то мама не похоронила урну с прахом отца сразу, и она оставалась в сундуке до ее смерти. И тогда собрались мы перед поездкой в Глухово на кладбище всей семьей – родители в урнах и нас трое их детей. Там, на глуховском кладбище, они и лежат...

Как большинство советских людей, свою родословную дальше бабушки, Арины Никифоровны, умершей в 1944 году, и дедушки, Федора Григорьевича, умершего в 1936-м, на полгода раньше отца, я не знал. А родители матери умерли еще до революции. Некая Лариса из Ленинграда уверяет, что Советская власть не то препятствовала, не то прямо запрещала нам интересоваться своими предками. Почему? Зачем? Она не знает, но уверена. Да разве книги, фильмы, спектакли о временах Александра Невского, Ивана Грозного, Петра, наконец, Ленина и Сталина – не о наших предках? А ведь дело-то простое. Почти все мы из крестьян. Откуда там взяться генеалогическому древу?

Однако когда мое имя замелькало в печати, Вячеслав Александрович Казанский, заслуженный учитель и краевед из села Михайловского, соседнего с деревней Рыльское, где жили на берегу Непрядвы мои дедушка и бабушка, у которых я и мои сестры каждый год проводили лето, по ревизским сказкам, оказывается, до сих пор хранящимся в областных архивах, составил мне мою родословную по линии отца и возвел ее к Степану Феопентовичу Бушину, жившему в 1703–1754 годы, современнику шести царей от Петра до Елизаветы. Что дает мне знание всего лишь имен Феопента и Степана Бушиных? Вроде бы ничего. Но вроде бы и неохватно много. Если есть у меня какие-то способности, то я обязан этим длинному ряду моих предков, в которых эти способности накапливались столетиями, передавались от поколения к поколению и вот подарены мне. И я чувствую великую ответственность перед длинной чередой предков.

Я считаю себя туляком, потому что из Глухова, что под Ногинском, где родился, мы уехали, когда мне было лет пять, и ничего не помню из столь раннего детства, кроме странных мистических сновидений да одного совсем не мистического случая: очень любившая меня тетя Агаша, соседка по коммунальной квартире, зачем-то высунула мою юную, ничем не обремененную голову в форточку и долго не могла втащить обратно, хотя, говорю, голова-то была легкая. А изрядную часть и «сознательного детства», и отрочества, и юности я провел как раз в Рыльском у милой бабушки Арины Никифоровны, исконной пролетарке, увезенной дедушкой Федором Григорьевичем, тоже очень добрым и славным, в тульскую деревню. Он был мастер золотые руки, солдат японской войны, но мужик гулевой, время от времени отключавшийся

от брэнного мира по причине запоя, что, впрочем, не помешало ему после недолгой и несправедливой тюремной отсидки стать председателем колхоза имени Марата.

В Рыльское я и сестры ездили каждое лето, а изредка и родители с нами. Однажды я был там с отцом зимой. Как раз готовилась коллективизация. Деревня бурлила. В избу набивались мужики со всей деревни и пытали отца – он же был столичный коммунист и образованный человек, врач – пытали, что будет, как и зачем. Иногда поднимался такой гвалт!.. А я лежал на высокой печи и в прорезанное под потолком окошко с интересом смотрел и слушал, ничего не понимая, как в «Войне и мире» моя ровесница шестилетняя Малаша смотрела тоже с печи на совет в Филях. Громче всех шумел лысый Андрей Семенов, чья изба была напротив и ниже на лугу, доходившем до Непрядвы.

В школу я пошел в 1931 году в Раменском. Это была одноэтажная каменная земская школа – так ее и называли. Был у меня там друг Коля Чистяков, я до сих пор помню его зрительно. Помню и один конфузный случай... В детстве я был болезненно застенчив. Даже в своей семье за обеденным столом не мог ничего сказать громко, как-то обратить на себя внимание без того, чтобы не залить краской. Вот из-за этого в первом классе однажды и случился конфуз: не посмел вовремя попроситься выйти из класса... Беда! Катастрофа!.. Правда, никто ничего не заметил. Во второй класс пошел в Кунцево, а в третий – уже в Измайлово. Старая школа была такого же образца, как в Раменском – каменная, добротная, с большим актовым залом. Там, помню, в день какого-то праздника, видимо, Первого мая, умирая от смущения, я читал со сцены стихи:

Я – май зеленый, листочек нежный,
И непокорный, и неужерный.
Вперед стремлюсь я и исчезаю,
И к жизни новой всех вас зову...

Там помню уже многих друзей: Васю Акулова, Толю Антонова, Толю Фомичева... С Фомичевым мы были вратарями двух соперничающих футбольных команд соседних дворов. Помню и классного руководителя Николая Георгиевича, доброго человека с бельмом на левом глазу. Он очень любил нас, а меня, пожалуй, особенно. Подумать только, из деревни Измайлово, когда еще не было не только метро, но и до трамвая надо была топать несколько верст, он возил нас в Архангельское и в Останкино, в музеи!

Эта школа называлась Белой, а в четвертом классе мы учились в обыкновенной крестьянской избе, в которой было две комнаты и небольшой коридор. Рядом – прекрасная старинная церковь. На Пасху мы видели из окон вереницы старушек, шедших святить куличи.

Стыдно вспоминать, но ведь было... По наущению второклассника Илюхи Котова, заводили всего класса, я стащил для него у самой учительницы шерстяные перчатки. Да еще гордо напевал потом блатную песенку той поры:

По ширмам бегать научил меня товарищ мой...

Это блатное выражение означает «воровать». Оно есть и в нынешнем словаре воровского жаргона.

Что из пакостей такого же рода застряло в памяти из той поры? Да хотя бы то, как еще в Раменском, т. е. будучи первоклассником, я из кустов сада, умирая от страха, запустил камнем в большое итальянское окно детского сада. Почему, зачем?.. Мимо нашего дома озорные фабричные огольцы (сейчас это слово забыто: мальчишки, пацаны) ходили в парк на озеро купаться, и каждый раз они швыряли камни в наши двери и окна и во все горло вопили: «Бей жидов!» Хотя во всем доме был только один еврей – врач Граевский, женатый на француженке

мадам Сюзанне. Видимо, я разбил окно только для того, чтобы доказать себе: и я это могу! Комплекс Раскольников. А ведь вроде бы психически вполне нормальный человек...

Пушкин писал:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Лев Толстой однажды заметил: «Надо бы сказать «строк постыдных». Но на такую откровенность, как Толстой, способны немногие. Я не понимаю, как он мог своей жене, восемнадцатилетней чистой домашней девочке, дать читать свой дневник за былые годы, в котором ведь чего только не было. Далеко ли это от другого Льва – от Ландау, который говорил жене: «Сегодня вечером я приведу девочку. Приготовь нам чистое постельное белье». И та готовила...

В пятом классе я учился уже в Красной школе на Балкане. А летом 1936 года отец отвел меня в только что построенную четырехэтажную школу № 437, которую я и окончил летом 1941 года, за несколько дней до войны.

А в деревню нашу можно было ехать двумя путями: первый – с Курского вокзала до Товарково, а там поджидал с лошастью дед или дядя Гриша, младший брат моего отца, и надо было плестись еще 25 верст, часто по ужасной жаре; второй путь – с Павелецкого вокзала до Льва Толстого (Астапово), там – пересадка и – до Птани, где опять же кто-то, конечно, встречал. Летом после второго курса Литинститута я позвал с собой в деревню друга-однокурсника Женю Винокурова, прекрасного поэта, милого человека. Прибыли мы в Товарково. Нас никто не встречал: дед давно умер, а кто еще?.. Это же был 1948 год, деревня пережила оккупацию, наша изба сгорела, вероятно, и лошадь невозможно взять в колхозе, если они были. С грехом пополам на весьма специфической, сильно ароматической машине мы все же добрались до деревни, где нас ждали дядя Гриша, тетя Лена и мои двоюродные сестры Клава и Тоня, которые ныне живут в прекрасном Минске.

Запомнилась первая самостоятельная поездка в деревню. Мне было тринадцать лет, зимой умер отец, и вот меня почему-то отправили одного. Кто сейчас решится на это? Тем паче, что сестра купила мне билет с Павелецкого, т. е. с пересадкой в Астапово, да еще почему-то вышло так неудачно, что там мне пришлось ждать мой поезд до Птани семнадцать часов, чуть ли не до вечера следующего дня. Куда деваться? Что делать? Хорошо, еще было тепло, июнь. Ну, побродил я по станции, посидел в буфете. Наступил тихий вечер, и вдруг донесся звук духового оркестра. По незнакомому поселку я пошел на этот звук. Дорога привела в парк, к танцплощадке. Вероятно, была суббота или воскресенье. Посмотрел я на танцующих. Что мне, тринадцатилетнему, еще делать? Вернулся на станцию. Печаль того вечера памятна мне доныне. А как скоротать ночь?

Уже поздно вечером, то ли сам вспомнил, то ли мне кто-то сказал, что ведь здесь умер Толстой. 28 октября 1910 года он, терзаемый стыдом и горем, ушел из Ясной Полны в сопровождении своего врача Душана Петровича Маковицкого, по дороге в поезде подхватил воспаление легких, в Астапово его ссадили и здесь, в квартире начальника станции Ивана Ивановича Озолина, обрусевшего латыша, 7 ноября в 6 часов 5 минут утра писатель умер.

Сейчас в статье священника Георгия Ореханова я прочитал, что старец Варсонофий, игумен Оптиной пустыни, явившийся сюда в предсмертные дни Толстого с целью добиться его покаяния перед церковью, «вынужден был ночевать на вокзале в женской уборной» (Ясная

Поляна. «Толстой. Новый век» № 2'06, с. 115). Ждал согласия грешника и готов был прямо из уборной кинуться к его смертному одру. Не дождался...

Так вот он прямо около станции, этот дом. По моим воспоминаниям, он деревянный, одноэтажный, в пять окон. Но на фотографии в одной книге 60-х годов – два этажа. Как видно, надстроили... Что знал я тогда о Толстом, что читал? «Кавказского пленника», конечно. Его тогда в четвертом или третьем классе проходили. Там, в «Пленнике», все так просто, ясно и благородно: нельзя товарища бросать в беде. Помните, как Жилин тащил на горбу выбившегося из сил Костылина? Мой друг Вася Акулов, одноклассник, почему-то иногда повторял: «Костылин мужчина грузный...»

Я дернул входную дверь дома Озолина, она, конечно, была заперта, во всех пяти высоких окнах – ни огонька. Несколько раз обошел вокруг дома, как 27 лет тому назад, утром 4 ноября, Софья Андреевна, приехавшая из Ясной. Устал ходить, сел на крыльцо в три ступеньки. Была уже глубокая ночь, слипались глаза, захотелось спать. Положив под голову сумку, что была со мной, прилег и быстро уснул, как провалился в бездну. Так всю ночь до рассвета и проспал на крыльце этого скорбного дома. На рассвете меня разбудил свисток паровоза.

Чем была для меня ночь, проведенная у двери дома, в котором умер Толстой? Вроде бы ничем. Но, может быть, и неохватно многим. И впрямь, не после посещения Ясной Поляны или музея в Хамовниках, не после того, как положил руку на кожаный черный диван, на котором Толстой родился, не после прочтения «Войны и мира», не после безмолвного стояния у его могилы, не после фильма Бондарчука, о котором я еще и написал большую статью, а гораздо раньше – после той бесприютной летней ночи до рассвета на крыльце дома Озолина я, отрок, на всю жизнь ощутил какую-то странную, необъяснимую связь с Толстым, постоянный интерес к нему. Может быть, потому, что за полгода до этого умер мой любимый отец и загадка жизни и смерти уже томила юный ум? Не знаю... Конечно, мне тогда неведомы были строки Фета, которые так любил Толстой:

Не жизни жаль с томительным дыханьем.
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет и плачет, уходя.

И какой огонь над мирозданьем мог я тогда знать! Однако...

Не знаю точно когда, видимо, в середине 30-х, Измайлово стало частью Сталинского района Москвы. В июне 1941 года я окончил 437-ю школу этого района. За два дня до войны у нас был выпускной вечер. Ах, этот вечер! Сколько в нем было радости и печали, как многозначительны были речи, тосты и взгляды влюбленных... А как только война началась, девчата нашего класса пошли работать на знаменитый Электrolамповый завод, а ребята, в числе которых и я, – на авиационный завод № 266 имени Лепсе, что на Мочальской улице, как сейчас она называется, не знаю, была потом – Ибрагимова. Вскоре почти всех ребят взяли в армию. Но некоторые, как и я, по возрасту еще не подходили, и с началом учебного года мы без экзаменов поступили в институты. Я – в Бауманский, хотя никакой тяги к технике отродясь не имел.

В октябре Бауманский эвакуировался в Ижевск. Я не поехал, а пошел работать слесарем на ту самую Измайловскую прядильно-ткацкую фабрику, где мать, еще в Раменском окончившая курсы медсестер, заведовала здравпунктом. В декабре, когда немцев отбросили от Москвы, некоторые институты возобновили работу. Ближайшим из них к Измайлову был Автомеханический, что на Большой Семеновской. Туда и пошли мы, несколько одноклассников: Нина Головина, Тамара Казачкова, Зоя Серова и я. Здесь летом 1942 года я окончил первый курс и отсюда осенью был призван в армию.

Будучи с отроческих лет очкариком и не обладая сколько-нибудь выдающимися физическими данными, я решил своим 18-летним умом, что лучше всего могу пригодиться на фронте как артиллерист. Толчком в этом направлении оказался очерк Константина Симонова в «Правде» о каком-то замечательном артиллеристе на фронте. Я несколько раз ходил в военкомат и просил направить меня в артиллерийское училище, но направлений все не было и не было. Наконец, военком, кажется, по фамилии Морозов вдруг сообщил: есть направление! Собрали нас команду человек в пять-шесть, и мы пошагали куда-то в восточное Подмосковье, но не очень близко: в пути ночевали в каком-то клубе на полу, на каких-то плакатах и транспарантах. Пришли, и оказалось, что это вовсе не артиллерийское училище, а – химслужбы. Моему огорчению не было границ. Но когда я не прошел медицинскую комиссию, обрадовался, думая, что меня направят обратно в мой военкомат и я все-таки добьюсь артиллерийского. Наивный студент! Меня признали ограниченно годным и тотчас направили в знаменитые Гороховецкие лагеря.

Однако любопытное дело с этой медкомиссией. Меня забраковали для училища не по зрению (я в очках лет с пятнадцати), а нашли что-то в сердце. Вот какой строгий был отбор в офицерские училища даже в те суровые дни 42-го года.

Это было тяжелое испытание, о котором как-нибудь в другой раз. Пробыл я там месяца полтора-два. Жив остался. Обрел хорошего друга Райса Капина, уже помянутого казаха, моего ровесника. Однажды глубокой ночью нас подняли, привели на станцию, погрузили в телятники и доставили в разбитую Калугу. Там некто, как узнали позже, капитан Шуст, отобрал нас с моим другом Райсом как ребят грамотных в какую-то формирующуюся часть и увез в Мосальск, небольшой городок Калужской области. Там эта часть и формировалась.

Это была 103-я Отдельная армейская рота воздушного наблюдения, оповещения и связи. Такие роты были при каждой армии. Наша рота, как, видимо, и другие, ей подобные, состояла из четырех взводов во главе с лейтенантами. Это примерно человек 150–200. Взвода располагали вдоль линии фронта свои посты («точки»). На каждом было человек 5–6. Задача состояла в том, чтобы неусыпно наблюдать за небом, вернее, за немецкой авиацией. Мы выучили тактико-технические данные немецких самолетов, знали их профили, внешний вид, и когда они появлялись в небе, мы сообщали по телефону и по радио в штаб ПВО, каким курсом, в каком количестве, на какой высоте и какие именно машины идут. Меня, как уже упоминал, еще при формировании, надо думать, как парня грамотнее других (студент!) да еще москвича – к москвичам на фронте было особое отношение, нас в роте было человек пять – избрали комсоргом роты. Я был комсоргом и в школе, а после войны – и в Литературном институте. Ныне многие о таких делах стыдливо молчат, а я горжусь, ибо меня никто не назначал, не присылал, а избирали свои ребята, знавшие меня как облупленного.

Вскоре меня и еще несколько ребят направили на краткосрочные армейские курсы радиостов в прифронтовую деревню Вятчино. Весной 43-го года было голодно, ели конину. Но почему-то каждый раз, когда читаю или слышу гениальные строки Есенина:

Я теперь скупее стал в желаньях.
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне, —

каждый раз вспоминаю ту голодную прифронтовую весну, гулкую мартовскую рань в деревне Вятчино.

По окончании курсов мы вернулись в роту, и я работал сначала на переносной радиостанции 5-АК («трет бока»), а потом на стационарной, точнее, на колесах, РСБ. Как комсоргу и ротному корифею всех наук мне порой приходилось выполнять поручения и не относившиеся

прямо к моей военной профессии, в частности, бывать на постах, о чем я не раз упоминаю в дневнике.

Он начинается с января 1944 года. Перед этим мне дали короткий отпуск, вернее, командировку в Москву. Впрочем, и командировкой это назвать грех. Просто дело в том, что у нашего командующего ПВО полковника Горбаренко была возлюбленная военфельдшер Хилай, видимо, москвичка, по списку она состояла в нашей роте, появлялась у нас редко. У нее были в Москве какие-то родственники. Ей захотелось послать им продовольственную посылочку, собрать которую для ее возлюбленного было не трудно. Собрал. А как отправить? О, есть же в роте москвич Бушин. Меня и послали, пробыл я дома дней семь-десять. Помню, что посылочку я передал кому-то в двухэтажном доме по правой стороне Арбата. Между прочим, явился я домой с чесоткой. Но мать быстро вылечила меня жаркой самодельной баней при больнице и ихтиоловой мазью. И это была единственная болезнь за всю войну.

Мой дневник за 1944 год, поскольку я писал его почти всегда карандашом, сейчас прочитать очень трудно, иные страницы просто невозможно. Ну, действительно, ведь им 67 годовиков! Однако недавно по случаю я все-таки ухитрился кое-что разобрать.

А случай был такой. С апреля 2009 года незнакомая мне женщина по неведомой причине присылала мне интересные тексты на церковно-религиозные темы. Раз прислала, другой, третий... Я заинтересовался, кто такая? Имя интернациональное – Анна, фамилия – явно не русская, и пишет она ее латиницей. Я спросил. Оказалось – белоруска, а фамилия в переводе означает «аист». «Аист сидит на крыше», как пела молодая и прекрасная София Ротару, и шлет мне с крыши, то есть из поднебесья, псалмы Иоанна Златоуста. В знак признательности послал ей шуточный мадригал не совсем религиозного характера:

Когда являетесь вы, Анна,
На мой экран в заветный час,
Я превращаюсь в дон Гуана
И донну Анну вижу в вас.

Она подхватила шутку: «Вы рискуете: «тяжело пожатье каменной его десницы...» Десницы дон Альвара не каменного, а живого. О-го-го...

Я написал Анне, что недавно получил медаль «За освобождение Белоруссии», поскольку в 1944 году со своей 50-й армией всю ее протопал наискосок с юго-востока на северо-запад – от Быхова до Гродно. И рассказал, как порой голодные из-за отставших кухонь стучались мы в бедные белорусские избы и просили: «Тетка, бульба есть?» – «Есть, тільки трошки дробненькая». И кормила нас тетка, и поила, а то и спать укладывала.

Мои воспоминания об этом, родные ей слова «бульба есть?» до слез растрогали Анну. Вспомнилось ей босоное детство, как свиной паша с хворостиной, как мечтала о стране, где живут только красивые, благородные и бескорыстные люди. А уже став взрослой, оказалась в стране красавца Гайдара, благородного Чубайса да бескорыстного Абрамовича...

А тогда... Помните у Твардовского?

Тетка – где ж она откажет?
Хоть какой, а все ж ты свой.
Ничего тебе не скажет,
Только всхлипнет над тобой.
Только молвит, провожая:
– Воротиться дай вам Бог... —
То была печаль большая,
Как брели мы на восток...

Но нет, в ту пору, с которой начинается дневник, шел уже 44-й год, и мы не на восток брели, а шагали на запад, каждый день считая, сколько осталось до Германии. Это были дни освобождения Белоруссии по гениальному плану Рокоссовского «Багратион». Когда этот план обсуждали в Ставке, все были изумлены. Одновременно два главных удара? Так не бывает. Не может быть! Но Рокоссовский сказал: «А в данном положении это лучший путь!» Сталин попросил его выйти в соседнюю комнату и спокойно наедине подумать. А когда позвали, он повторил: «Два одновременных главных удара!» Сталин еще раз попросил генерала выйти и подумать. Тот вышел, подумал, вернулся и доложил: «Два главных». Сталин в третий раз попросил его подумать наедине. Генерал вышел, подумал, вернулся: «Два!» Только после этого весьма необычный план утвердили. Сталин знал то, что много лет позже четко выразил мой покойный друг Евгений Винокуров:

Упорствующий до предела
Почти всегда бывает прав.

Операция «Багратион» была одной из самых блистательных за всю войну. И, к слову сказать, именно в ходе ее Рокоссовскому было присвоено звание маршала Советского Союза.

И я листаю дневник тех дней. Операция началась 23 июня, а вот давно забытые, но, по-моему, кое-чем интересные записи за пять месяцев до этого, когда еще стояли в обороне. Итак... Но – минутку. Слова просит моя Муза. Она хочет кратко поведать в этой книге о моей жизни и даже кое в чем дополнить повествование.

Я жил во времена Союза...

Ничего иного

А.И.Цветаевой

*Я устал от двадцатого века,
От кровавых бушующих рек.
И не надо мне прав человека —
Я давно уже не человек...*

Владимир Соколов

Весь этот мир —
от блещущей звезды
До малой птахи, стонущей печально,
Весь этот мир
труда, любви, вражды,
Весь этот мир
трагичен изначально.

И ничего иного тут не жди,
Не спорь с быстротечным веком,
И, зная все, сквозь этот ад иди
И до конца останься человеком.

Коктебель, январь 1974 г.

Ты знал!.

*Карьерными, хитрыми их делало время – время интриг, авантюр,
подсиживания...*

Андрей Дементьев

Все оправдать на свете можно.
Не падай духом ни на миг!
Одно лишь, милый, безнадежно —
Рассчитывать на черновик

И путь свой не рисуи превратно:
Нас время, дескать, так вело.
Ты знал, что жизнь – единократна,
И все в ней сразу – набело.

Март 1976 г.; 2005 г.

Мое время

Я жил во времена Советов.
Все испытал и убежден:
Для тружеников, для поэтов
Достойней не было времен.

Я жил в Стране Социализма,
Я взвесил все ее дела
И понял: никогда Отчизна
Сильней и краше не была.

Я жил во времена Союза
В семье несметных языков,
Где дружбы дух и братства узы
Страну хранили от врагов.

Я жил в эпоху Пятилеток
И был голодным иногда,
Но видел я – мой глаз был меток, —
Нам светит горняя звезда.

Что ж, ошибались мы во многом,
Но первыми прорвали мрак.
И в Судный День, представ пред Богом,
Мы развернем наш Красный Флаг.

1999 г.

* * *

Я был молодым и бессмертным,
Я спорил бесстрашно с судьбой,
И знал я победы и жертвы,
И звал я других за собой.

Шли годы... Какие удары
Пришлось отражать нам в бою!
Теперь я и смертный и старый,
Но там же, где прежде, стою.

Сентябрь 2009 г.

Долголетие и долг

Не дай мне Бог вас пережить, собратья!..

А.С.Пушкин

*Мы не от старости умрем —
от старых ран умрем...
Так разливай по кружкам ром,
трофейный рыжий ром!..*

Семен Гудзенко

Увы, я многих пережил,
Хоть и берег себя не очень:
И с полной рюмочкой дружил,
И мог работать дни и ночи,

Трусцой не бегал по утрам,
Считая это чушью просто,
А жил, открытый всем ветрам...
Вдруг – бац! – уже и девяносто.

Но занемочь иль пасть в бою
Доныне не имею права,
Поскольку родину мою
Терзает злобная орава.

Мы защитим Отчизны честь,
Врагу не избежать разгрома.
Что за победу выпить есть?
Семен! Тут водка лучше ром

4—21 ноября 1992 г.

Энергия заблуждения

Весь мир погибнет, если я остановлюсь.
А. Шопенгауэр

Порой меня пронзает ощущение,
Что без моей любви к ней и труда
Земли остановилось бы вращение
И солнце закатилось навсегда;

Что я один за жизнь ее в ответе
И кое-что мне сделать удалось —
Лишь потому еще и солнце светит,
И не скрипит пока земная ось.

Авва отче!.

Люди есть – как солнца. Свет их льется
И тепло от них – во все края.
Пушкин был таким. Таким был Моцарт.
Как хотел таким же быть и я!

Люди есть – как луны. Свет их ярок,
Но не свой он, а у солнца взят.
Господи, пошли такой подарок!
Даже и ему я буду рад.
Но – есть люди-камни среди прочих.
Здесь тепла и света не проси.
Если только можно, авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси!

Июль 1974 г.

* * *

Потрепал я Ширли по ушам,
Мне она в ответ лизнула руку.
Мы с ней знаем мудрую науку —
Говорить без звука по душам.

28 окт. 1913 г.

Книга первая

Из дневника 1944 года

25 января, Белоруссия, Железинка

Вчера мне исполнилось двадцать. Отметить это никак не удалось.

Вот так незаметно и вступил в третий десяток А сержанту Шарову – 50. Мне до него еще 30 лет сознательной жизни! Когда Юлий Цезарь был на два года старше, чем я сейчас, то, вспомнив Александра Македонского, из молодых да раннего, воскликнул: «Двадцать два! И еще ничего не сделано для бессмертия!» Ведь тот-то уже... А кого в детстве слуга будил словами: «Вставайте, граф! Вас ждут великие дела»? Кажется, Сен-Симона.

Вернулся из короткой командировки в Москву. Нина подарила мне толстую общую тетрадь в коленкоровом переплете, и вот решил использовать ее для дневника, для рассказа о моих сен-симоновских делах. Еще в школе однажды, кажется, начал вести, но потом бросил. На этот раз авось не брошу эти «Записки о Галльской войне».

Говорят, в дневниках обычно врут. Конечно, врать самому себе порой гораздо более необходимо, чем другим. Да иногда и утешительно, даже отраднo.

Но постараюсь не врать. Вот Добролюбов вел настолько откровенный дневник, что при его публикации Чернышевский счел нужным иные места вычеркнуть. Но это еще не значит, что Д. был до конца откровенным.

27 января

Стоит сырая, туманная погода. Ходить в валенках невозможно. Такой мокрой зимы я не помню. Клава Якушева продолжает хворать. Сегодня вместо нее ротный меня послал на почту. Потом мылся без мыла в холодной дымной бане (топил сам). И стирал без мыла...

Вчера полк Горбаренко вручал награды. Гроздицкий получил ор. Красной Звезды. Он был ранен еще при артналете в Мосальске. Михайлин и Хилай – тоже Кр. Зв. Думаю, в следующий раз получит награду Адаев.

А Нечаева и Артюшенко отправили в штрафную роту. Кому что.

Капитан Ванеев (командир роты) сказал, что в молодости тоже писал стихи. Я заметил, что в молодости пишут все. Нет, возразил он, пишут только «ищущие». И тут же к чему-то привел слова Ленина: «Я тоже ищущий. Я ищу, на чем сломали себе головы прежние мыслители». Оказывается, Черчилль сказал про Ленина, что такие люди рождаются один раз в 500 лет (из того же разговора с капитаном).

А дома я будто и не бывал...

29 января

Сегодня опять заступил дежурным по роте. Время двенадцатый час. Только что сменил посты. Хочется спать...

Корнеев вот уже несколько дней пристает ко мне с таинственным делом. Уверяет, что Артемов – бывший шпион. Будто бы он и его отец выполняли специальные задания немцев, будто он завел группу наших бойцов в немецкую засаду, будто советовал Корнееву в случае чего сдаваться в плен и проситься в транспортную роту, он, мол, знаком с ней и т. п. Верно то, что А был на оккупированной территории под Калугой. А все остальное? Кто говорит-то! Кабы кто толковый, а то ведь сущее трепло. Ему нравится интересная игра. Ведет какие-то глупые записи латинскими буквами. Говорит, что связан со ст. лейт. Кулимановым из Особого отдела. Будто занят этим Артемовым уже девять месяцев. Разрабатывает...

Вчера, когда он разжигал печку, там взорвался патрон. Уверяет, что это устроил Артемов, покушался на его драгоценную жизнь. В роте многие заболели желудком – тоже рука А-а. Скорее всего, чепуха все это.

Получил письма от мамы и Ады. Мне становится не по себе, когда представляю, что кто-нибудь из родных голодает: мама, Галя, Ада, Нина, Павел. Готов вынести что угодно, только бы не это.

Сегодня взяты Новоскольные.

1 февраля, Железинка

Два вечера разучивали новый гимн.

Видно, союзничкам нашим старый очень не нравился. Ну как же!

Весь мир насилья мы разрушим
До основания, а затем —
Мы наш, мы новым мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем.

Ах, вам не нравится? Пожалуйста, вот новый, но старый стал гимном многомиллионной партии, у которой раньше никакого официального гимна не было. Но была просто песня Александрова «Гимн партии большевиков», которую исполнял ансамбль Красной Армии. На музыку этой песни и положили слова нового гимна. Умен, ловок, хитер товарищ Сталин!

Уж как мусолила телевизионная шарага (запомнилась куда-то провалившаяся Светлана Сорокина), вырвав их из песни, слова «разрушим до основания»! Подавали это так, будто коммунисты хотели разрушить не «мир насилья», а все на свете и ничего не создавать. Какое бесстыдство, помноженное на тупость! Сегодня, 30 апреля, по ТВ сообщили, что аэродромом Домодедово, оказывается, владеет какая-то иностранная фирма. Какая? Докопаться не могут. Крупнейшим и ближайшим к столице аэродромом! Да что может помешать за три-четыре часа подготовить его для приема вражеских десантов? Но может, и никакой подготовки не требуется. А в прошлом году в стране было выпущено 7 самолетов, в позапрошлом – 4. Рост – 75 %. Небывалый в мире! За одно это вас без суда и следствия...

21 декабря 1920 года в заключительном слове на Восьмом съезде Советов Ленин огласил полученную им записку: «На Арзамасском уездной съезде Нижегородской губернии один беспартийный крестьянин по поводу иностранных концессий заявил: «Товарищи! Мы вас посылаем на Всероссийский съезд и заявляем, что мы, крестьяне, готовы еще три года голодать, нести повинности, только Россию-матушку на концессии не продавайте!» (ПСС, т. 42, с.118)

Остался ли в Нижегородской области хоть один такой крестьянин после того, как там несколько лет погубернаторствовал прощельга Немцов?

Сегодня на попутной машине ездил с Бондаренко как комсорг роты в политотдел армии. Он там получил комсомольский билет. Потом хлопотал, чтобы прислали к нам кинопередвижку. Ведь давно обещали. И опять только обещают.

Из политотдела зашел на пост Ракова. У него вполне приличная конурка. Встретил тут девчат из второго взвода. Они идут из госпиталя в Железинку, где проходили осмотр, к себе во взвод и вот зашли. Все такие веселые, задорные, озорные.

Вано Бердзенишвили, начхим, рассказал. Мелкий странствующий торговец в стационарном буфете захудалого городка попросил в долг десяток вареных яиц. Лишь через два года случилось ему снова оказаться в этом городке. Желая честно расплатиться с буфетчиком, он предложил ему деньги, вполне достаточные за десяток яиц. Но буфетчик сказал: «Ты должен

мне гораздо больше. Посчитай: из десяти яиц вылупились бы десять цыплят, которые вырастут и тоже снесут яйца, из которых опять вылупятся цыплята... Посчитай, сколько же ты мне задолжал за два года». Должник не согласился, и дело дошло до суда. Перед судом торговец зашел к своему веселому приятелю и попросил совета. Тот сказал: «Дай мне десять копеек на нужды твоего спасения». Тот дал. И приятель купил на эти десять копеек фасоль и сварил ее. Когда начался суд, весельчак вошел в зал и стал разбрасывать по полу вареную фасоль. «Что ты делаешь, безумец?» – спросил судья. «Я сажаю фасоль», – ответил веселый человек. «Но разве взойдет по каменному полу фасоль да еще вареная?» – опять спросил судья. «О мудрейший, – ответил приятель подсудимого, – если ты намерен решать вопрос о цыплятах из вареных яиц, но почему сразу не веришь, что вареная фасоль взойдет на каменном полу?»

Кого, кроме русских, знал я до войны, до фронта? Украинцев, евреев, татар, ну, была у нас еще домработница Лина, белоруска. А на фронте! Кроме опять же украинца Козленко, еврея Берковича, татарина Губайдуллина, встретил еще и грузина Бердзенишвили, казаха Капина, удмурта Адаева, мордвина Модунова, молдованина Юрескула, чуваша Казакова, узбека Зиятдинова, цыгана Казанина... Какой букет! Какое разнообразие! И все говорим на одном языке.

Некоторые уверяют, что на фронте они не различали, кто какой национальности. Григорий Бакланов писал даже, что его это не интересовало. А недавно вдова писателя М. рассказывала мне об одной женщине, которую я должен бы знать, но не мог вспомнить, и спросил: «Эта азербайджанка?» Собеседница с вызовом ответила: «Национальность человека меня никогда не интересует!» Очень странно. Как я мог не интересоваться, вдруг встретив на фронте такое неизвестное мне дотоле разнообразие! Ведь в свободное время у нас только и разговоров было, что о доме: как где хлеб пекут, как свадьбы играют, как хоронят... И это было очень интересно, особенно таким, как мы с Баклановым – вчерашним школьникам. Другое дело, что на национальной почве не было никаких конфликтов, даже трений. Это святая правда. А если порой и подшучивали друг над другом, так это только мы, русские: тамбовский волк, Рязань косопущая, владимирский водохлеб, вятские ребята хватские – семеро одного не бояться и т. д.

2 февраля

Вчера, дождался у Ракова капитана Ванеева, поехал вместе с ним на СПП (сортировочно-пересыльный пункт) за пополнением. Увы, людей не оказалось. А сегодня пришлось провожать на СПП Яшку повара и Степанова. Они вчера перепились самогону. Старшина Буркин воспользовался этим. Теперь все недостатки на складе свалит на Яшку, дескать, пропивал. Жалко Яшку. Дурак он, связался с этим Степановым. Он же, тертый калач, где только ни бывал. А Яшка-то неопытный, неповоротливый, пропадет он в пехоте, если туда направят. Сдал я их уже поздно, а мне надо было еще получить троих. Я решил переночевать на посту Ракова, а завтра опять на СПП. У Ракова на точке потешный старик-гармонист. На линию он не ходит, ничего не делает, лейтенант держит его только из-за гармошки. Он знает одних вальсов 16 штук.

Сегодня должен быть опубликован доклад Молотова по второму вопросу повестки дня сессии. Видимо, это будет результатом Тегеранской конференции.

4 февраля, около часа ночи

Только что узнали по радио, что войска 1-го и 2-го Украинского фронтов окружили 10 дивизий – 9 стрелковых и 1 танковую. Освободили города Шпола, Смела, Звенигородка... Красиво получается! Это же почти половина Сталинграда. Но, с одной стороны, сравнивать со Ст-м, очевидно нельзя, п.ч. там были отборные, высоко оснащенные техникой войска, а с другой стороны, учитывая, что сейчас для немцев очень дорога каждая дивизия, можно думать,

что последствия будут серьезными. Как проклинает, поди, Гитлер сейчас тот день, когда решил напасть на нас! Что получается? В сущности, русский человек решил ход истории. Если бы мы не устояли, все было бы иначе. Как бы сейчас ликовал немец, чванливый, самоуверенный только тогда, когда за ним сила. Но вот она – справедливость. Это не отвлеченное понятие и не заблуждение. В таких делах, как судьба мира, она побеждает. Мерзавцы и наглецы! Вся-то их Фатерландия не стоит одной русской деревеньки.

Вчера переночевал у Ракова. Утром они накормили меня картошкой на молоке да блинами, и я пошел на СПП: надо выбрать для роты троих. Вообще-то неприятная задача. Как на невольничьем рынке. Построили передо мной человек десять один другого краше. У молодого парня недержание мочи, остальные припадочные. Кому они нужны? Зачем их в армии держат? Это же балласт. Никого и не выбрал. Пришел в роту рассказал капитану, он промолчал.

Получил письма: от мамы, Нины (почему-то № 7, а потом № 6) и Веры Соломахо.

С Верой я подружился в 1939 году в пионерском лагере, кажется, в Софрино.

Это была живая, жизнерадостная, не больно красивая, но приятная девчонка из очень бедной семьи. Она мне нравилась. Не забыть, как мы провожали ее в Артек. На фронт она прислала мне несколько писем. После войны я разыскал ее. Она жила с матерью в какой-то жуткой хибаре на дне огромного котлована какой-то огромной стройки в Филях, в этом районе жили они и до войны. Она вышла замуж, и мужа ее за что-то посадили.

А в пионерском лагере я был дважды. Оба раза меня взяли с трудом: после четвертого класса был слишком мал, а после девятого – ну, какой же я пионер! Вот так же с трудом пять лет принимали меня и в Союз писателей: то слишком правый, то слишком левый, то слишком русский, то недорусский. Ну, прямо как у Пушкина:

Бывало, что ни напишу,
Все для иных не Русью пахнет...

А возглавлял тогда приемную комиссию Анатолий Рыбаков. Галя, жена писателя Виктора Ревунова, зубной врач, ездила к нему лечить зубы. И однажды говорит: «Вчера была у Рыбакова. Он спрашивал, с кем мы видимся. Я сказала, что с Бушиными. И он так стал тебя хвалить: талант! большой талант!» Ну, вот, а в Союз пять лет не пускал большой талант.

Последний раз дело было так. В ту пору по праздникам в редакциях устраивали застолья. В журнале «Дружба народов», где я тогда работал, мы его и учинили в конце рабочего дня то ли 8 марта, то ли 7 ноября 1965 года. Но в тот вечер я должен был встретиться с одной супружеской парой, давними приятелями, около Театра киноактера, что был на улице Воровского, прямо через дорогу против журнала. Мы хотели пойти в этот театр на праздничный концерт. Видимо, я заранее получил или купил туда билеты и пригласил друзей. И вот после нескольких хороших рюмок и тостов – среди них был и тост Ярослава Смелякова: «За Бушина!». Ему очень по душе пришлась моя недавняя статья «Кому мешал Теплый переулок» в «Литгазете» против несуразных антиисторических переименований наших городов, улиц и т. д. – я оставил застолье и в отличном состоянии духа двинул в театр напротив. В условленный час мои друзья не явились. Прождав их какое-то время, я пошел на концерт один. В фойе уже никого не было. Я стал прогуливаться в некоторой нерешительности: авось друзья еще придут. Вдруг капельдинерша, увидев скучающего бездельника, а в зале, как оказалось, народа явная недостача, схватила меня и сунула в какую-то дверь, и я оказался в одиночестве чуть ли не в правительственной ложе. Шел концерт, и притом ужасно скучный. Но скучнее всего был конференсье. Я некоторое время терпел, но вскоре по причине духовного парения после выпитого все-таки не выдержал и что-то громко вякнул из своей правительственной ложи. Конференсье-дурак ответил. Завязалась перепалка. Публика, уверенная, что так и было задумано, захохотала. Но

вдруг открылась дверь в ложу, и два добрых молодца вывели меня под белые ручки. И это под наблюдением администратора Лосева, который раньше работал в «Московской правде», печатал там мои статьи и прекрасно знал, что большой общественной опасности я не представляю. Что мне оставалось делать при виде такого непонимания духовного парения и явного вероломства? Я смиренно удалился...

И вот кто-то сочинил, как тогда говорили, «телегу», в которой моя деликатная полемика с конференсье была представлена как антисемитская выходка. Возможно, мой собеседник был еврей, но, во-первых, я этого не знал, не мог узнать с налету, тем более, под градусом. Во-вторых, в моих доводах и аргументах не было ничего такого. И вот «телега» была направлена не главному редактору журнала, не в парторганизацию, что было бы понятно, а в самый важный тогда для меня пункт – в приемную комиссию Союза писателей, где тогда лежало мое заявление о приеме, в болевую точку. Кто-то орудовал с умом. И Рыбаков на заседании сказал примерно так:

– Все мы знаем Бушина, но вот бумага о его антисемитской выходке. Отложим...

И отложили. Пришлось мне вступать в Союз писателей не через приемную комиссию, а через Секретариат Московского отделения, где, впрочем, при голосовании голоса разделились ровно пополам, но Сергей Михалков вдруг вспомнил: в таких случаях голос председателя, коим он был, имеет двойной вес. Так одним голосом я и проскочил. Но самое замечательное в истории с «телегой» то, что фамилия друзей, которых я не дождался у театра и пустился на антисемитскую выходку, – Гальперины, Саша и Регина.

А в пионерском лагере, с чего я начал это отступление, оба раза было замечательно! Сколько друзей я там обрел!..

5 февраля

Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

.....

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой...

Как эти пушкинские строки («Подражание Корану») попали в мой фронтовой дневник, не знаю. А сейчас вспомнилась Ахматова:

Я клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенных чадам —
Я к тебе никогда не вернусь...

У Пушкина все выдержано на уровне, достойном высокой клятвы, а Ахматова клянется одновременно и чудотворной иконой и чадам пламенных ночей – недопустимое для верующего человека смешение уровней.

9 февраля

Если дневник попадет кому-то в руки, могут быть неприятности. Надо внимательней беречь его.

Вчера отправили на пересыльный Артемова, а Корнеева на 10-дневные курсы минеров. Хотели еще Казанина, но он завопил: «Не хочу быть подарком!» Капитан Ванеев махнул рукой.

По старому наряду я привел с СПП трех старичков: Ржанов – 47 лет, Смирнов – 52 и Старовойтов – 52. Последний из деревни Теляши, где стоял взвод Павлова. Моложе, лучше мне найти не удалось. А военфельдшер Иван Хмелинин ругается: у них у всех гастрит. Капитан отнесся к этому благодушно. Он стал звать меня начальником укомплектования.

Вечером меня вызвал в землянку капитана особняк Кулиманов. Он сразу спросил: «Куда вы сегодня ходили, Бушин?» Я рассказал. Потом стал расспрашивать о новых людях, которых я привел. А что я о них знаю, кроме возраста да вот еще гастрит у всех. Но больше-то говорил он сам – о том, как важна работа его службы, «как важно обеспечить безопасность выступления вождя» (дословно) и т. д. Видно, хотел покрасоваться перед интеллигентным парнем из Москвы. А перед моим уходом сказал: «Никому не говорите, о чем мы с вами беседовали. Это необходимо для вашего дальнейшего пребывания (?), жизни и работы, а также для общего дела» (тоже дословно). А о чем я мог бы кому-то что-то рассказать, кроме того, как важно обеспечить безопасность вождя?

После окончания Литинститута, если уж еще несколько слов об этой службе, меня однажды пригласили на Лубянку и стали расспрашивать об уже арестованном Коржавине (Манделе). А я и знаком-то с ним не был. Он учился курсами двумя старше. Но, конечно, видел его не раз – лохматого, похоже, и неумытого, в огромных валенках. Он бродил по коридорам и бубнил:

Я все на свете видел наизнанку,
Я путался в московских тупиках.
А между тем стояло на Лубянке
Готическое здание ЧЕКА...

А дальше выражалось желание приползти на коленях к этому зданию то ли с раскаянием, то ли с благодарностью. Помню еще, что на первомайской демонстрации, когда наша литинститутская колонна стояла на площади Пушкина, кто-то из студентов или сразу несколько весело напевали на известный тогда мотив «Товарищ, товарищ, болят мои раны». Кончалась эта шутившая песенка так:

Ползу я, товарищ, как сам ты понимаешь,
В готическое здание ЧЕКА.

Впрочем, оно вовсе и не готическое. Но вот приполз, однако.

Потом, уже после его возвращения из ссылки в Москву, не помню, где и как мы познакомились, точнее сказать, спознались. И именно он, Эмка Мандель, в мае 1967 года припожаловал ко мне в «Дружбу народов» и предложил подписать коллективное письмо в президиум Четвертого Всесоюзного съезда писателей с предложением дать слово на съезде Солженицыну. Возможно, что его направил ко мне сам Солженицын, поскольку до этого у нас с ним была довольно любезная переписка. Я подписал. Почему не дать слово? Это потом оказалось известным «Письмом 80-ти» московских писателей, под которым странным образом очутилось более 60 подписей нерусских москвичей. Однако подписей Евтушенко, Радзинского и других героев перестройки не было.

Впрочем, о чем говорить. По свидетельству генерала П.Судоплатова, Евтушенко не остался без чуткого внимания этой службы. По признанию самого поэта, Андропов дал ему

свой личный телефон и сказал: «Если что, звоните». И поэт звонил. Был у него телефон и Брежнева, и тоже перезванивались.

А Коржавин-Мандель с 1973 года живет в Америке. Его недавнее 85-летие было отмечено «Новой газетой». Сарнов написал о Коржавине и статью для словаря «Русские писатели XX века» и две книги. У него есть замечательные стихи.

...А кони все скачут и скачут,
А избы горят и горят...

Но вот что еще вспомнилось. Коржавина забрали ночью из студенческого общежития. При этом Владимир Солоухин, тоже живший в общежитии, на прощанье обнял арестанта. Сарнов уверяет: это по предварительной договоренности с КГБ. Так сказать, выдали лицензию на поцелуй. Поверить в добрый и смелый порыв такие люди просто неспособны.

11 февраля

Оказывается, деревня Лесная, что от нас в пяти километрах, это та самая, где Петр Первый разбил шведов, которые шли на помощь Карлу XII, уже находившемуся под Полтавой. Узнал это из выступления Пономаренко на сессии. Хорошо бы при случае побывать там.

12 февраля

Вчера долго пробыл у Шарова. Варили картошку. Он крепко выпил и охотно рассказывал, как в ту войну воевали с турками. Зашел разговор о том, легко ли убить человека. Очень трудно, говорит, только первый раз, а потом привыкаешь. Сколько и тогда было жестокости! А я подумал, что когда Красная Армия придет в Германию, трудно будет удержать солдат от кровавой мести. Ведь месть эта законна. Люди забудут жалость, имея дело с немцами. Простое и сильное чувство справедливости требует мести.

14 февраля

Опять заступил дежурным по роте. В десятом часу, когда часовые давно были выставлены, прилег соснуть. В десять проснулся. Вижу – все в землянке прислушиваются к страшному крику откуда-то из леса. Даже здесь, среди людей, от него страшно. Пирожков говорит, что это сыч. Нет, похоже, что человек Сенченко взял винтовку и пошел на голос. Вот грохнули четыре выстрела. Что это?.. Сенченко вернулся. Оказывается, действительно какой-то смоленский мужик из стройбата. Свихнулся, что ли, или заблудился? Иван отвел его на хутор к бабке.

19 февраля

Давно взял у капитана сборник «Русские поэты». Во время дежурства на РСБ иногда листаю. Вот Баратынский:

Прекрасно лирою своей
Добиться памяти людей.
Служить любви еще прекрасней.
Приятно драться. Но ей-ей,
Друзья, обедать безопасней...

Ну, это смотря где и когда – безопасней. Мы с Мосальске как раз обедали, когда нас накрыл артналет.

От Коли Рассохина письмо пришло обратно. С Верой переписку возобновил. Прислала фото. Оно мне понравилось.

21 февраля

РП (ротный пункт), комроты, Михайлин с нашей РСБ, уже в Кульшичах, на том берегу Днепра. Здесь, в Железинке, нас осталось немного и ни одного офицера. Анархия! Свобода! Вчера Козленко и Пирожков напились до чертиков. Часов до двух кричали, ругались. Ваню, он дежурный по роте, чуть не подрался с Козленко. А тот как ребенок «Я, – кричит, – старый революционер, партизан с 18-го года, орденосец!» А в общем-то человек он безвредный и безобидный.

Я вчера выпил грамм 300.

23 февраля, Кульшичи

Деревня на высоком бугре, большая, разбросанная. Если немец нащупает нас тут да пустит авиацию, укрыться тут негде. Как чаще всего бывает, незнакомая деревня кажется неуютной, странной, и жаль прежнего расположения, где оставил частицу жизни. Нам отвели только три дома. Это мало. Неужели опять будем рыть землянки. А лес недалеко.

26 февраля

Эти дни строимся. Уже готова землянка для капитана. Сегодня строим кухню. С едой сейчас неважно. Из жиров дают только сало – 43 гр., консервов нет. Вероятно, это объясняется тем, что на нашем участке перешли в наступление, форсировали Днепр, взяли Новый Быхов на западном берегу. Заходил раненый лейтенант. Говорил, что особенно отчаянно дерутся власовцы. Одна деревня три раза переходила из рук в руки, и все-таки немцы ее заняли.

Вчера с Колькой Торгашовым ездили в старое расположение. Едешь туда словно к себе домой. Народу здесь мало. Привез им продукты, почту, забрал, что надо было на РП.

На обратном пути нашел на дороге бутылку самогонки. Дар небес! Должно быть, первач – очень крепкий и без противного запаха. Распили с Пирожковым после того, как он распряг Ворончика, на котором я ездил.

Все-таки люди великие оптимисты. Ведь все знают, что их ждет, и однако же трудятся, создают, преодолевают трудности и страдания, любят, рожают детей, которых ждет то же. А Батюшков писал:

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхисидек?
Рабом родился человек, рабом в могилу ляжет.
И перед смертью никто ему не скажет,
Зачем он брел долиной горьких слез,
Мечтал, любил, страдал, исчез.

От мыслей о зыбкости всего сущего, вдруг навалившихся, как когда-то в отрочестве, пытаюсь отгородиться словами Баратынского:

Не вечный для времен, я вечен для себя...

1 марта, Кульшичи

Ходят слухи, что Финляндия запросила мира. Пожалуй, это вполне возможно. «Гайка оси». С ней у нас счета особые. Финны на нас злее, чем немцы.

В ожидании томимся бездельем и скукой. И сколько болтовни! Вот Разумовский восхищается тем, как до революции было поставлено дело в публичных домах. Я, говорит, пол-Москвы красных фонарей прошел. Очень сожалеет, что в 1919 году их ликвидировали. Он лодырь, подхалим и дурак

Но и он не поверил бы, что настанет время и женщин его родины станут продавать в публичные дома всего мира. И это будет называться путинской демократией, главный глашатай которой без конца долдонит «Наша главная забота – человек Все для человека!» И мы этого человека знаем.

5 марта, Красный Берег

Деревня большая и неразрушенная. Для нас в этом районе работы по горло. Немецкая авиация действует активно. По ночам над деревней летают «хейншеля» (давно их не было видно) и побрасывают ящики с гранатами.

В первую ночь, как мы тут ночевали, бомбил. Но я с дороги да еще после бани так крепко спал, что ничего не слышал. Только снилось мне, будто Яшка Миронов стреляет из какого-то пистолета с коротким стволом, и звук от выстрела долгий и раскатистый.

Вчера вечером фриц сбросил один ящик на том конце деревни, где РП, второй посредине деревни. Уже темнело, и наблюдать, как летели вверх огни, было даже красиво. Но есть и убитые и раненые.

Сегодня с точек приехали за продуктами. Кто-то сказал, что 60-тонную переправу немец разбил.

По слухам, на наш участок прибыла 65-я армия генерала Батова.

Получил два письма от Нины. Одно большое и такое содержательное, умное. Она не случайно окончила школу с золотой медалью, она талантлива. Я уверен, что, если бы ей заниматься какой-нибудь наукой, она добилась бы больших успехов. В другом письме хандрит, скучает, как и я о ней.

8 марта, Красный Берег

Вчера пришло на ум:

Потомок мой, далекий прапрапра,
Ты слышишь голос пращура-солдата?
Я говорю с позиций у Днепра
В вечерний час кровавого заката.

Бомбежками разорванный на части,
На запад волоча кровавый след,
Уходит день и горя, и несчастий,
И радости, и счастья, и побед...

Продолжить? В обеих строфах «кровавый». Так нельзя. Да и размер нарушен.

Встретил студента МАМИ. Костин. Его взяли в армию в октябре 41-го, когда первый раз получил повестку и я. Но когда мы с мамой пришли на призывной пункт в школе у Семеновкой площади и я предъявил паспорт, то сотрудник военкомата, раскрыв его, воскликнул: «Тебе же нет восемнадцати! А ну, шпарь домой и жди повестки!»

Конечно, приятно было поговорить с человеком, с которым слушали одних и тех же профессоров. По математике – Бессонова, по физике – Бориса Ивановича Котова... И живет он на знакомой Большой Семеновской, где МАМИ.

Сейчас штаб нашей армии в 5–6 км от передовой. Если бы немец знал, что так близко хотя бы штаб дивизии, он дал бы здесь жизни. Но, видимо, считает, что просто немыслимо, чтобы штаб армии был так близко. Но к нам время от времени бросает и бомбы и снаряды.

Сегодня Женский день. Для девчонок будет праздник и покажут фильм «Радуга».

12 марта

Пришло пополнение из 125-й роты ВНОС.

А позавчера мы оставили деревню Красный Берег и принялись в лесу строить свой подземный город. Потребовалась тотальная мобилизация, вплоть до писарей. Построили землянку для РП. А еда – одна бульба, и той мало.

Вдруг приказ: кончай стройку, обратно в Красный Берег... Сколько мы землицы-то перекопали вот так только выроем землянки аж загляденье, сколько труда положим, сколько сил, вдруг – бросай, идем вперед! А из Кр. Б., говорят, опять за Днепр в Кульшичи.

13 марта

Жуткая история. Во взводе Павлова во время передислокации солдаты пытались застрелить своего командира поста сержанта Поликарпова. Рассказывают невероятные вещи. Их четверо: Богатырев, Шуник, Сметанин, Лавров. Говорят, Поликарпов – унтер-офицер еще царский армии, был очень строг, взыскателен, возможно, и чрезмерно. А тут поводом послужило то, что он не разрешил положить вещмешки на подводу. Стрелял сзади Шуник Попал в плечо, второй выстрел в голову. Пуля попала в затылок и вышла между бровями. И Поликарпов обернулся и выхватил винтовку, он перестрелял бы всех, но в винтовке уже не было патронов. Мерзавцы разбежались. А он добрался до взводного поста и сейчас в госпитале. А этих арестовали. Должно быть, Шуника расстреляют.

14 марта, Кульшичи

Дядя Ваня Сморгков, моторист нашей РСБ, поехал в Москву. Мы догнали его в первой деревне за Днепром, в Обидо-вечах Там и заночевали. Он на попутной уехал ночью, а мы утром пошли дальше. Погода сырая, иногда дождь. На дорогах непролазная грязь. Идти трудно, ноги мокрые. Да и груз порядочный – винтовки, мешмешки, кое у кого и противогаз. Я свой отдал Яшке Мирнову Когда идет машина, перед ней волна грязи. Вчера на переправе их скопилось сотни две, и немец время от времени обстреливал переправу.

Сейчас не поймешь, куда мы относимся – к 1-му Белорусскому или к ударной группе Баграмяна.

Все-таки старшина наш трусоват. Вчера, когда немец бросил снаряды на переправу, он готов был в грязь плюхнуться. Может, потому что уже ранен?

Сегодня прошли не больше 14 км. Встали на ночлег уже часа в 4. А дни-то теперь длинные, снега почти нет, весна чувствуется во всем.

Уж сколько месяцев мы на этой Могилевщине, а я все не могу привыкнуть к бедности крестьян. И в этих избах люди живут всю жизнь. Но главное, ведь они хвалят свои места. Каждый кулик...

Вчера получил новые желтые ботинки. Очень вовремя. Старые совсем развалились.

Когда думаешь о будущем, то невольно пытаешься установить какие-то сроки. Буду я к новому 1945 году дома? Думается, война кончится, но дома я не буду.

18 марта

Была серьезная стычка с л-м Эткингом, подслушивающим солдат, и ст. л-м Пименовым. Этот гусь П., имея несколько пар, шьет себе новые сапоги и по этой причине запретил сапожнику Устименко ремонтировать солдатскую обувь. Да еще говорит ему: «Ты что каким-то кузь-

кам сапоги шьешь?» Солдаты для него кузьки. Вот подлец! Он хотел взять меня наскоком, но я ему сказал пару горячих. Тогда он вздумал критиковать комсомольскую работу. Я отрезал: «Вам в белье таже не видно, что происходит в подвале».

22 марта

НОЧЛЕГ В ДЕРЕВНЕ

Душный воздух, дым лучины,
Под ногами сор,
Сор на лавках, паутины
По углам узор.
Закоптелые полаты,
Черствый хлеб, вода,
Кашель пряжи, плач дитяти...
О, нужда, нужда!
Мыкать горе, век трудиться,
Нищим умереть...
Вот где надо бы учиться
Верить и терпеть.

Это Никитин.

27 марта

Видимо, началось. И идет уже третий день. Правый фланг прорвал оборону немцев и продвигается вперед, а центр застрял в третьей полосе обороны. Небо чистое, весеннее и тревожное. А на земле – зима, снег. Авиация немцев действует активно. На высоте 5–6 тыс. ходят «юнкерсы» и М-190. Самолеты оставляют в небе белые полосы, они образуют причудливые узоры. На такой же высоте прошли и наши ястребки. А сейчас на высоте 1,5–2 тыс. пошло штук сорок Пе-2.

Как радостно глядеть на наших! Немцы встретили их ожесточенным огнем зениток. Потом они шли обратно еще ниже. Надо думать, дали немцам жару. Вероятно, наступление скоро примет широкий размах. Немцам сейчас не до Белоруссии. Как бы на юге ноги унести. Сообщили, что наши войска вышли к Румынии.

Сегодня я впервые в жизни увидел почти зимой радугу. Как странно и красиво. Говорят, это доброе знамение.

29 марта

Весь день наша авиация действует активно. «Петляковы» летают группами в 20–25 машин, их сопровождают Ла-5. Как видно, решено все-таки прорвать оборону. Погода благоприятна. Редкие высокие облака.

.....

Нина так близка мне, что кажется, будто она часть меня самого, и все, что я пишу ей, она уже знает.

Живешь, и все думаешь, что то, что сейчас, – это не главное, оно впереди. А ведь это не верно. Каждый день в жизни важен. Ведь не будет отведено времени для завершения дел. Может быть, это ожидание конца войны?

3 апреля

Второй день буран. Замело снегом все дороги. Машины стоят. Замело и наш колодец. Пробовали вычистить – не выходит. Приходится таить снег. Не помню такой погоды в это время.

6 апреля

Почти в каждом приказе Сталина говорится о дисциплине. Понятно. Советским людям, воспитанным на сознании того, что я равный среди равных, не *untermensch* и не *ubermensch*, трудно привыкать к армейской дисциплине, когда кто-то может тебе приказывать, распоряжаться тобой и т. д.

11 апреля

Вчера было комсомольское собрание. Прошло довольно оживленно, удалось собрать больше половины комсомольцев. Вопрос: происшествие на посту Поликарпова. Доклад делал капитан Ванеев. Выступили 12 человек И очень убедительно говорил подполковник Рыбаков, нач. отдела ПВО.

А после собрания в доме, где мы размещены – дом большой, добротный, – организовали танцы. Было какое-то приподнятое настроение. И в самом деле праздник освободили Одессу! Взял Джанкой!

15 апреля

Кажется, пришла настоящая весна. Снегу еще много, но солнце уже теплое, ласковое. Кругом тает, тает... Но дороги стали еще хуже грязь была жидкая, а теперь густая, машины вязнут.

Хочу втянуть в комсомол Саню Баронову! Очень славная девчонка. Деловая, скромная. Поговорил с ней вчера, и она меня удивила. Я думал, она всю жизнь благополучно прожила в Ивановской области. Оказывается, родилась где-то в Горьковской. Семья была зажиточная, имели мельницу. В 30-м году их раскулачили, сослали в Вятскую область. Первые года жизнь на поселении ссыльных была тяжелая. Жили в бараке, в тесноте. Хлеб пекли с примесью мха. Из их семьи умерли двое. Но со временем жизнь стала налаживаться. Построили дома, школу, клуб. Вся семья работала честно, ударно. В 36-м году ее семью первой в поселке восстановили в правах. Как загорелись у нее глаза, когда рассказывала об этом! Потом семья выехала в Иваново. Там родственники купили отцу лошадь, он стал заниматься извозом. Жизнь наладилась. В 39-м году она кончила семилетку и пошла работать в хлебопекарню... В последнее время в ней произошел какой-то переворот. Раньше и слышать не хотела о вступлении в комсомол, а теперь хочет вступить.

Говорят, в 108сд командир артполка подполковник 22 лет.

22 апреля

Что означает внезапное затишье на фронте? Нетерпение съедает. Но думаю, что к 1 мая все выяснится, Сталин скажет.

27 апреля

У Глафиры Грачевой на днях убили парня. Он служил в морской пехоте 324сд. А вчера позвонили из зенитного полка Шуста: при обстреле погиб Лешка Казанин, цыган из Бийска, которого послали в этот полк на курсы. Он еще и стриг и брил всех нас. И любил при этом бормотать что-то вроде рекламной зазывалки: «Вот она, вот она, ночью работана, днем продаем. Подходи – подешевело, расхватали – не берут. Граждане, десять! Только десять! За десять рублей корову не купишь, дом не построишь, ко мне придешь – удовольствие получишь».

Однажды я вдруг вспомнил эту зазывалку на книжной ярмарке в ВВЦ (ВДНХ), где два раза в год всегда принимаю участие в торговле книгами издательства «Алгоритм», уже лет десять издающего мои писания. И, подняв над головой какую-то свою книгу, начал шуметь: «Вот она, вот она, ночью работана!..» Люди смеялись и останавливались у нашего прилавка. Торговля шла неплохо...

На днях подорвался на mine еще сержант Морозов, что прибыл к нам из 125-й роты ВНОС. Подорвался на новой mine. Немец много набросал их по дороге в Рябиновку. Глянешь на поле – будто желтые цветы. Взрываются при прикосновении. Морозов поддел ногой – взрыв!

А еще рассказывают, что Дора Карабанова со своим фронтовым мужем, каким-то капитаном, попали в плен. И теперь немцы разбрасывают листовки о том, как прекрасно живут супруги.

28 апреля

Сегодня нагрянул подполковник Максименко, замначштаба армии по политчасти. Внушительный мужчина. Его первой жертвой оказался я. Потом – военфельдшер Хмелинин, парт-орг Ильин, еще кто-то. Меня он больше поучал, чем ругал. «Кого вы принимаете в комсомол? Всех, кто пожелает. У вас какое образование? Вам надо переучиваться. У вас теория не связана с практикой...» Ну, дал звону.

29 апреля

– Товарищи, мы заслушали суровый, но справедливый приговор. Этот человек нанес ущерб Красной Армии. Он нарушил присягу советского воина. Смертью карает народ нарушителя присяги. Русский сражается против немца, русский защищает Россию. А этот человек поднял руку на своего сражающегося собрата. Он опаснее немца. Немца мы видим перед собой, его мы встречаем грудью, а этот нанес удар в спину. Смертью карает народ изменников родины. У нас нет жалости к предателям.

2 мая

То, что записал 29-го, я должен был сказать перед строем после зачитания приговора Лаврову. 29-го утром капитан Ванеев вызвал меня и велел подготовиться выступить. В 11 часов его должны были расстрелять.

В 10 нас построили с оружием, было человек 50. Пришла еще рота охраны. Вышли из Кульшичей на склон холма. Там нас построили углом. Миронов и Попов привели Лаврова. Он был бледный, заросший, глаза безумные, остановившиеся. Капитан сказал, зачем нас привели, и предоставил слово мне. Я волновался. Пока говорил, Лавров стоял спиной к строю метрах в ста. Потом его подвели к яме. Майор юстиции зачитал приговор. Закончил он так «Товарищ комендант, приведите приговор в исполнение». Тот повернул Лаврова лицом к яме (руки у него были связаны), выхватил из-за пазухи пистолет и выстрелил в упор в затылок. Лавров повалился назад, комендант выстрелил еще раз. Из выходной раны около глаза хлынула кровь. Труп спихнули в яму, скомандовали: «Разводите людей!» Человека три остались закапывать. Ничего он не сказал, не крикнул, умер молча. Яшка Миронов рассказывал, что, когда его везли из Уречья, он попросил покурить.

Не дай бог, хоть еще раз видеть такое. Ну, а что делать, если стреляют в спину.

Видимо, как показало следствие, стрелял не Шуник, а Лавров, и он самый старший из них. Шуника и всех остальных отправили в штрафную роту.

6 мая

3 мая было партийно-комсомольское собрание. Вопросы такие: 1. Доклад капитана Ванева о приказе Сталина № 70. 2. О третьем военном займе. Он свел свой доклад к оглашению приказа и разъяснению некоторых моментов. По второму вопросу – партог Ильин. А сейчас находимся вместе с капитаном на взводном посту Павлова. Мы с ним намечали, что рядовые будут подписываться на 100 рублей, а начальник постов – на 200. Но дело превзошло наши ожидания: ниже 200 не подписывались. Модунов – на 300, Распопов и Прасол – на 500. Я вначале, исходя из старых представлений, подписался было на 200, но потом еще на 200.

Накормили нас блинами, угостили самогонкой, и мы тронулись на пост Райса. Там подписались еще лучше. Сам Райс – на 550, остальные на 300. Часов в 11 докладываем в роту: подписались на 9 тысяч. В честь удачной подписки выпили и опять ели традиционные блины. На другой день пост Рожкова подписался на 2100 рублей.

7 мая

Нахожусь на посту Райса. Вчера вечером долго и интересно говорили. Об этой войне: будет ли она последней? О переломе, который война внесла во всю жизнь. Он говорил, что мы кончали десятилетку с розовым взглядом на жизнь. Но уже в школе такой взгляд начал у него меняться. Как это совместить, говорит, – у нас в младших классах была молодая привлекательная учительница, общественница, словом, образцовая деятельница в масштабе школы. А с другой стороны, она приглашала к себе домой учеников старших классов и сожительствовала с ними. В армии его поразило воровство интендантов и старшин.

11 мая

9-го вечером пришел в Долгий Мох на пост Распопова и Прасола. Мне везет всегда, как приду на пост поближе к передовой, так обязательно начнется обстрел деревни, где стоит пост. Так было у Берковича, когда рота стояла в Журавле, а взвод Павлова – в Теляшах (Там я впервые увидел немца на виселице.) Так и здесь. Снаряды падали недалеко каждые 3–5 минут. Пришлось идти на улицу и лезть в отрытые щели. Снаряды стали ложиться ближе. Наконец один снаряд угодил в дом против нашего. Когда немного утихло, я сходил туда. На полу валялись убитая девушка (местная, с 23-го года) и красноармеец лет 25. Тела их были иссечены осколками. Над телом девушки рыдала ее 16-летняя сестренка. Из документов парня следовало, что он из 110сд, с марта – кандидат партии. В кармане медаль «За отвагу».

Мы ожидали, что ночью немец усилит огонь, но не случилось, хотя и стреляли. Я только один раз выходил в щель, когда зажигательный снаряд запалил дом неподалеку. Не выпался. В пять часов вместе с Казаковым и Овчаренко уехали на подводе в роту.

Начали строительство нового города в лесу недалеко от маленькой деревеньки Пчельня. Неудобно, что мне не пришлось работать на строительстве. Ой, да еще всем хватит...

15 мая

И твои полуоткрыты очи,
Думаешь о ком-то о другом.
Я и сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.
Этот пыл не называй любовью.
Между нами вспыхивая связь.
Я случайно встретился с тобою,
Улыбнусь, спокойно разойдись.
Но и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни.

Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.
И когда с другим по переулку
Ты пойдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогулку
И с тобою встретимся мы вновь.
Ты прижмешь к другому ближе плечи,
Голову опустишь тихо вниз.
Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер...»
Я отвечу «Добрый вечер, мисс...»
И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь —
Кто любил, уже любить не может,
Кто горел, того уж не зажжешь.

Ума не приложу, как это стихотворение Есенина попало на фронте в дневник. Книгу поэта я приобрел только в 48-м году, когда впервые после бухаринского погрома на Первом съезде писателей в 1934 году издали его сборник. Я подарил его Эльзе Бабкиной, преподавательнице немецкого языка из Иркутска, с которой оказался в одной группе туристов в путешествии по Кавказу. Эльза мне нравилась. Она много раз приезжала в Москву.

По пути с поста Кириенки на пост Берковича побывал в Лесной. Осмотрел там церковь и памятник в честь победы Петра над шведами в 1708 году, «матери Полтавской победы», как значится тут же на доске, установленной на каменном постаменте 28 сентября 1908 года. Церковь немцы превратили в сортир. Внутри стены вьется лестница. Я поднялся по ней на площадку. С нее видно далеко.

18 мая

Адаев рассказал, что приказом Болдина капитан Ванеев снят. Полковнику Горбаренко объявлен выговор. Его возлюбленная военврач Хилай лишена ордена Красной Звезды и куда-то отправлена из роты. А помпохоза Анисимова отдали под трибунал. Жалко только капитана. Прекрасный человек Он из Семенова в Горьковской области. Однажды после перехода верст в 40 я имел неосторожность посетовать ему, что ноги ужасно натер. Он сказал: «За это полагается наряд вне очереди – не умеете портянки заворачивать». Умный, деликатный. Он пострадал из-за своей чрезмерной мягкости и доверчивости. Они-то его и подвели. Он по натуре философ, мыслитель, а не офицер. На многие безобразия он смотрел как на неизбежное, на воровство, например, на блядство кое-кого из офицеров.

К Берковичу пришел уже вечером Вечер был хороший, погожий. Деревенские мальчишки ловили майских жуков, которых здесь называют хрущами. Ну, да и у Шевченко, кажется, так

Садок вишневый биля хаты,
Хрущи над вишнями гудуть...

Генерал-полковник Болдин Иван Васильевич (1892–1965) с ноября 1941 года под Калугой до февраля 1945-го в Восточной Пруссии командовал нашей 50-й армией. На фронте я его, конечно, не встречал. Куда там! Как говорил Твардовский,

Генерал один на двадцать,

Двадцать пять, а может стать,
И на тридцать верст вокруг...

А уж командирам... Но однажды в 1958 году я встретил его в «Литературной газете», где тогда работал, и конечно, обрадовался. Он писал воспоминания, и, видимо, была нужда встретиться с кем-то из литераторов. Генерал меня не узнал...

30 мая

Перебрались в лес, в землянки. Печей нет, поэтому по ночам холодно, и комары проклятые житья не дают.

Вместо Хилай пришла новая военфельдшер лет 28. Ничего особенного, кроме больших черных глаз.

Три дня меня терзал подполковник Диденко из политотдела, змий в образе человека. Прислан, зануда, проверять нашу комсомольскую работу. Заседали, как на Тегеранской конференции Большая тройка – он, парторг Ильин и я. Сто раз расспрашивал об одном и том же: о воровстве, о сожительстве... Ну да, есть это, есть. Но вот вчера был армейский гинеколог – энергичный, симпатичный лысый еврей, майор медицинской службы.

У нас довольно много телефонисток и радисток из Москвы, из Ивановской и Рязанской областей. Они чуть ли не каждый месяц проходят медицинское освидетельствование. Врач остался очень доволен нашими девочками, просто восхищен. Все здоровые, сильные, ни одной беременной. Каков процент девиц, не знаю, но прошлый раз их было 80 %. А ведь на парткомиссии, на которой наш капитан был перед этим, его изображали чуть ли не сутенером.

25-го было комсомольское собрание. Приняли четверых, в том числе Саню Баронову и Засимова. Сейчас идем в политотдел, где им вручат билеты.

.....

Если вы точно знаете, что хотите сказать, вы это хорошо скажете (Флобер).

Кто неясно говорит, тот и думает путано (Шопенгауэр).

У Симонова были во время войны стихи:

На час запомнив имена, —
Здесь память долгой не бывает —
Мужчины говорят: «Война!»
И наспех женщин обнимают.

Ну да, бывало и так Но вот вам цифра – 80 процентов после трех лет войны, а им 20–25 лет.

6 июня, севернее Новой Слободы

Великий день мировой истории! Никогда люди не забудут 7 ноября, 22 июня, 6 июня... Как не забудут и года 1066, 1812, 1789, 1917, 1941, 1944. Меня охватил восторг, когда услышал, что союзники наконец высадились во Франции. 11 тысяч самолетов, 4 тысячи судов... В тылу немцев выброшен десант... Удар в самое сердце Атлантического вала. Я предложил майору устроить митинг. Но он удержал: «Погоди. Надо ждать указаний». Здесь сердце говорит, что надо делать, а он будет ждать указаний политотдела. Ведь мы ждали этот день почти три года. Помню, мне покойный Ленка Гиндин писал в 42-м с фронта после Дьеппа: «Мы тут обсуждаем, возможно ли осуществить десант в октябре». Как мы ждали летом 42-го! Пришлось ждать еще два года. Мы не устояли до этого дня, мы до него дошли.

Молодцы союзники! Хочется от всей души сказать спасибо. Все-таки они держат слово. Интересно, что думает, что делает сейчас Гитлер. Идет возмездие за комедию Компьена, за Ковентри, за убийство английских детей, за Смоленщину и Ленинград, за все наши страдания и горе.

Эта операция не может превратиться в гигантское Казино. Союзники будут успешно наступать. Ведь такая мощь техники, свежих армий, резерва. Россия вздохнет легче. Да, можно твердо надеяться, что война кончится в этом году. (Первый час ночи.)

А о городе с таким необычным именем тот же Симонов тогда написал шутивную «Сказку о городе Пропойске». Она начинается так

Когда от войны мы устанем,
От грома, от пушек, от войск,
С друзьями мы денег достанем
И выедем в город Пропойск.
Должно быть, название это
Недаром Пропойску дано.
Должно быть, и зиму и лето
Там пьют беспробудно вино...

Увы, в 44-м году там не пили вино, там лилась кровь.

12 июня

Только что прошел дождь, отгрохотал гром, и снова над посвежевшей зеленью луга, пахитей, леса – солнце! Мокрая, вымытая зелень блестит. Радостно и легко дышится. И не верится, что за полчаса до этого было пыльно и душно. Глядя на эту смеющуюся мокрую зелень, я почему-то вспоминаю Нину. Как я однажды целовал ее мокрую, не успевшую утереться после умывания. Она не давалась, отталкивала: «Отстань, Бушев!» И смеялась. И была так хороша. Ресницы мокрые, черные, глаза казались больше, чем обычно. И волосы вокруг лба, за ушами – мокрые, выющиеся. И я сам стал весь мокрым. Потом мы вместе вытирались полотенцем. Я так по ней тоскую в последнее время.

В последнем письме она пишет, что Галя (моя сестра) мечтает о том, как будем справлять нашу свадьбу.

14 июня

Вот и ушел от нас капитан Ванеев. Проститься с ним я не смог – стоял на посту. Говорят, когда он садился в машину, едва сдерживал слезы. Он был у нас больше 9 месяцев. Ст. л-т Ищенко до него – 8. Вместо него прислали капитана Елсакова. Человек, видно, простой. Работал где-то в Кузнецке на судостроительном заводе. Образование, думаю, не выше 7 классов. У меня с ним складываются вроде хорошие отношения. Эткинд так и бежит за ним.

В последнее время я ругаюсь с начальством. Майор Львов из отдела снабжения просто вынужден был попросить меня выйти.

Сегодня началось наступление на Карельском перешейке.

15 июня

Утром взял в руки «Фронтовую правду» и не поверил своим глазам: с первой страницы сморит, улыбаясь, молодой капитан-артиллерист. И это не кто иной, а Валька Шлыгин из нашего класса, которого мы почему-то звали Шлиссен. У него ордена Отечественной войны и Красной Звезды. Я написал в редакцию газеты, прошу адрес. Газету послал Нине.

Если будут у нас в этом месяце посылать в училище, я, пожалуй, поеду. Мне трудно быть рядовым. Наука повиноваться трудная наука. Я не владею ей.

Мама прислала письмо. Пишет: «Мы с тобой должны быть награждены медалью «За оборону Москвы».

Валя не вернулся с войны... Позже я помянул его и всех одноклассников, оставшихся там – Толю Федотова, Игоря Зайцева, Фридриха Бука, Володю Семенова, Леню Гиндина, Гришу Андрусова, Костю Рейнветтера, Петю Скотникова, Леву Давыдова...

Сорок четвертый. Польша. Висла.
Мне двадцать лет. И как Вийон,
Я жизнь люблю сильнее смысла
И назначения ее.

Как все, хотел в живых остаться,
Без костылей прийти с войны,
Хотя нетрудно догадаться,
Я знать еще не мог цены

Любви, испитой полным кубком,
Отцовства радостям святым,
Труду, смирению и уступкам,
Ветвям черемухи густым,

Неторопливым наслаждениям
Неспешного течения дум,
Случайным нежным песнопениям,
Тропе, что выбрал наобум...

Потом лишь это все изведав,
Я оценить и смог вполне,
Что клали на алтарь победы
Ровесники на той войне.

18 июня

Новый командир роты отличается от Ванеева, как земля от неба. Много общего с первым комроты Ищенко.

Интересно, хватит ли мне этой тетради до конца войны. Думаю, хватит.

Сейчас обе стороны начали вводить новые виды оружия. Немцы – танкетки-торпеды и самолеты-снаряды, союзники Боинг-29. Эта машина поражает грандиозностью и скоростью, надо думать, км. 800.

«Война без ненависти нечто постыдное, как сожительство без любви» (Эренбург). Всякая война постыдна, кроме войны в защиту родины.

В Витебске окружили 5 дивизий.

24 июня

На днях военфельдшер поругалась со ст. лей-м Пименовым. Это было у Шарова в канцелярии. Когда он вышел, она начала над ним смеяться на еврейский манер: «Разве я видала

когда-нибудь такого большого начальника. Задрал ноги кверху и к нему не подходи, я – старший лейтенант!» И дальше в том же насмешливом духе. Вдруг открывается дверь, и на пороге он – Пименов. «Бушин, подите сюда». Я вышел.

«Все, что вы сейчас слышали, напишите и дайте мне». Оказывается, он стоял за дверью и подслушивал. «Нет, я писать не буду». – «Вы же комсорг, вы обязаны» – «Никаких рапортов я вам писать не буду». Так и ушел он не солоно хлебавши.

25 июня

Сегодня, наконец, и в сводке говорится о наступлении севернее Чаусы. Это наступает наш правый сосед – 49-я армия. Левый сосед – 3-я армия тоже наступает. Видимо, нам предстоит быть дном мешка. Витебск уже в мешке, он завязывается с запада. Одним словом, началось. А мы еще стоим.

26 июня, Новая Слобода, взводный пост Гудкова

Вчера были взяты Чаусы. Ночью они горели. Во вчерашнем приказе Сталина отмечаются как отличившиеся войска генералов Гришина и Болдина. Кажется, это первое упоминание нашей армии в приказах Сталина. Как радостно было узнать об этом. А в Витебске окружено 5 дивизий.

28 июня, деревня Смолка на шоссе

Пропойск – Могилев, 20 км от Могилева

Голодны как волки. Поесть бы да поспать, а проклятые комары кончились. Могилев уже взят. Захвачены два немецких генерала.

1 июля, деревня Пешенья

Около деревни остановились тяжелые танки. Шумные веселые танкисты расположились обедать. Из одного танка вылез целый духовой оркестр. Играют какой-то трогательный вальс. Сбежались деревенские. Смотрят с любопытством и восторгом. Танцуют...

Наша полуторка мчится полем. Женщина радостная, запыхавшаяся бежит за машиной и бросает нам в кузов ковригу хлеба. Хлеб хороший, с хрустящей корочкой... Сушков плачет...

В церкви, окруженной народом, четыре пленных фрица. Наш пьяный солдат лезет к ним целоваться. Фрицы угодливо целуют небритые щеки солдата. «Дурак ты», – говорит солдат длинному худому фрицу в лаптях. «Nicht дурак», – отвечает тот и в пояснение поднимет руки вверх...

По дороге идет колонна пленных, человек 35–40, и что-то поют...

Елсаков не способен руководить ротой. Два раза полк Горбаренко ругал его при всех. В Сидоровичах досталось и мне: «Комсорг, почему нет связи?» – «Тов. полковник, об этом командование знает» – «А вы, комсомольцы, для чего тут? В пехоту захотели? Я могу устроить это удовольствие». Смех и грех. С комсорга связь спрашивает.

3 июля

Вчера купались в Друте, а сегодня пьем воду из Березины... Немцы бегут панически. Дороги неважные, на переправах заторы, а иногда переправы приходится делать самим. Много распухших трупов лошадей и зловонных фрицев. Беженцы, беженцы. Большинство деревень целы. Одна хозяйка вчера нас покормила бульбой с квасом и хлебом.

За день всеми правдами и неправдами дали километров 80.

Мы шли крутым заросшим берегом Ресты, три тезки – Сушков, Лобунец и я. Сушков сорвал цвет боярышника, долго его нюхал и сказал «Вот так же пахнет девушка»...

Деревни начались большие, красивые, уютные. В избах порядок и чистота. Чистые кровати, скатерти. Сожжено сравнительно мало...

5 июля. Дер. Моторово, 25 км от Минска

Жители встречают приветливо. Рассказывают, как жили при немцах, жалуются, плачут, проклинаят...

Я никогда не видел такого количества техники. Тысячи машин, тягачей – и наших, и немецких, и союзников.

Немецкий генерал Бармлер приветствует наших солдат. Запоздалое рыцарство...

На шоссе стоит старая женщина и сквозь слезы смотрит на нас. Ее сын шесть лет как ушел в армию....

У переправы через Березину окружили толпу пленных. Они в страхе заискивают. Какой-то сержант, видно, прошедший огни и воды, трогает фрица за плечо: «Вы, сукины дети, зачем же вы ребятишек убиваете, а?» – и показывает рукой ниже пояса.

7 июля. Западнее дер. Озеры

8 лесах, во ржи бродят группы немцев. Машины теперь ездят с пулеметами, у тех, кто в кузове, – наготове винтовки или автоматы. Группировки немцев бывают по 10–15 тысяч. Их уничтожают, как крыс. И большинство деморализованы. Один наш боец ведет 30–40 пленных.

Деревни начались большие, красивые, уютные. В избах порядок и чистота.

Чистые кровати, скатерти. Сожжено сравнительно мало...

8 июля. Негорелое, 10 км до старой границы

Округа кишит немцами разбитых частей. Они всюду – в лесу, в кустах, во ржи... Спать хочу, спать, спал не больше двух часов... Вчера нам пришлось занимать оборону. Шальная орда разбитых и обезумевших немцев сквозь лес, стреляя на ходу, перла на нас, но метрах в ста почему-то свернула вправо. А если бы не свернули – растоптали. Я испугался только вначале, когда не мог найти куда-то запропастившуюся винтовку, а как только нашел – как бром принял. Спать, спать...

9 июля. Дер. Анталезы, уже за старой границей

Жара страшная. Все тонет в облаках белой пыли. Вдыхаешь этот воздух – словно затягиваешься крепкой махоркой. Лес по бокам дороги белый, как зимой.

Ночь была беспокойной. «Хейнкеля-111» на бреющем полете обстреливали село.

11 июля. Новогрудок, Белоруссия

Интересно наблюдать жизнь этих маленьких местечек, городков. Советская власть была тут меньше двух лет. Частное предпринимательство. Много всяких магазинчиков, ресторанов. Комфортабельно обставленные особнячки с водопроводом, электричеством, ванной. Объявления всюду – на белорусском и немецком. Мы расположились в замечательном двухэтажном особнячке. Остатки роскошной обстановки. Кафельные печи, все удобства. Но у меня какое-то недоброе предчувствие.

Зашли в аптеку. Продавец никак не хочет дать без денег женщине для больного ребенка лекарство, которое она просит. Требуется 5 рублей. Я даю три. «Спасибо, пан, спасибо!»... А сколько здесь мужчин, которые могли бы быть на фронте.

13 июля. Щучин, 65 км от Гродно

Когда сейчас смотришь на смерть, какой она кажется досадной и омерзительной. Вот хоронят солдата, убитого в бою на дороге Щучин – Гродно... Окруженные немцы стараются пробиться на запад. Наклали их в деревушке неисчислимо.

17 июля. 30 км от Гродно

Три недели назад мы были дальше других фронтов от границы. Теперь до черной земли Германии осталось несколько десятков километров, от Гродно – 80.

Начинается Немецчина.

Трудно высказать чувства, которые овладевают при этой мысли... Вчера опять попалась навстречу колонна пленных, их же сейчас тысячи и тысячи.

Я обратился к одному: «Wir gehen nach Deutschland!» (Мы идем в Германию). Он сокрушенно покачал головой: «Ja, ja, und wir gehen nach Russland».

Вчера в «Красноармейской правде» был снимок Болдин допрашивает генерал-лейтенанта Миллера, сдавшегося в плен.

22 июля. Деревушка под Гродно, лес

Вот уже двое суток стоит непрерывный гул моторов. Это «Илюшины» в сопровождении Ла-5 идут на запад и обратно. Немец занял на том берегу очень удобную позицию...

Было совершено покушение на Гитлера. Сообщают о столкновении эсэсовцев с войсками. Не начало ли это внутреннего краха?

В роте опять перемены. Елсаков, как и следовало ожидать, долго не просидел. Вчера сдал дела Павлову, самому уважаемому в роте взводному командиру. Он справится с делом.

Лес, где мы обосновались, замечательный, смешанный, пропасть черники.

24 июля

Ходят слухи об аресте Гитлера. Что ж, неудивительно, если так

В последние дни снятся какие-то невероятные сны. Приснился Маяковский с какой-то женщиной, бледный, почти призрачный, совершенно не схожий с портретами. Они сидели за столом и молчали.

Несколько раз снилось, что меня расстреливали. Но во сне я понял, что это сон, и от радости проснулся. Неужели это отзвук расстрела Лаврова?

25 июля. Гродно

Большинство здесь поляки. Все рассказывают и убеждают, что они нас ненавидят, но я не заметил этого. После немцев, по-моему, они поняли, что такое Красная Армия. Но вот Якушев встретил одну знакомую, которая живет здесь с 1940 года. Та рассказывает, что поляки действительно ненавидели их. Русские вынуждены были побираться и побирались только в белорусских деревнях.

27 июля. Новый Двур

Старая полька говорит мне: хорошо, что Гитлера не убили. «Почему?» – «Это была бы для него слишком легкая смерть».

В Гродно мы ночевали у одной панночки семнадцати лет. Живая, веселая, миловидная. Мать ее куда-то в этот день уехала, и она осталась за хозяйку. Говорить с ней, слышать то и дело такое милое «Ну?» было одно удовольствие. Ст. лейт. Пименов как раз принес газету с картой линии Керзона. Как она обрадовалась, когда увидела, что Гродно по эту сторону линии! Спать постелила нам все свежее, только не выспались мы: она очень долго читала нам по-польски. Между прочим, у поляков тут очень популярна Ванда Василевская.

В Витебске окружили 5 дивизий. Еще два-три марша, и мы в Германии.

31 июля

Нина прислала новую фотографию. Как она хороша! На старой фотографии в ее красоте еще что-то незавершенное, почти детское. А теперь это красота молодой женщины. У какого-то грузина есть такие строки в переводе, кажется, Тихонова:

Мы прекраснейшим только то зовем,
Что созревшей силой отмечено —
Виноград стеной, или река весной,
Или нив налив, или женщина.

Это о ней.

Все-таки жаль, что я не старше ее года на 3–4, а даже немного моложе. Ведь если я скоро вернусь благополучно, что ж будет? Она учится на пятом курсе, а я поступлю только на первый. И ведь мы поженимся. И что же? Жена – инженер, а муж – студент младших курсов.

1 августа

Древняя старушка бродит по нашему расположению, подходит к бойцам, заглядывает в лица.

– Бабушка, что вам здесь надо?

– Да я, сынок, российская, из Калининской области. Смотрю, нет ли здесь моего сына или знакомых кого...

Она верит, что может найти своего сына, которого не видела лет пять, в какой-то незнакомой случайной части. Как сильна вера материнского сердца!

Начинаются Августовские леса.

У границы своей берлоги немцы дерутся ожесточенно.

3 августа

Когда стою ночью часовым, на ум идут стихи. За два наряда сочинил «Балладу о бочонке». В основу положил рассказ капитана Ванеева.

Под натиском несметных сил
Оставив рубежи,
Наш полк с боями отходил
По полю спелой ржи.
Прижаты были мы к реке
На правом берегу.
Винтовка верная в руке
Да ненависть к врагу.
И кровью вспенилась река—
Таков был их урон.
Но и от нашего полка
Остался батальон...

Потом допишу.

А в роте опять перемены. Пришел новый командир капитан Требух, высокий носатый рябой украинец лет 35. Довольно приятный человек. Говорит не торопясь, вдумчиво. Сразу

заинтересовался комсомольской работой. Был с ним на нескольких постах. Человек веселый, имеет Красную Зв. и медаль «ЗБЗ».

4 августа. 13 км юго-западнее Августова, лес

Лес хороший, строевой, много брусники.

Идет бой за Августов. «Катюши» играют почти рядом. В небе ревет авиация.

Вчера были с Арсентьевым в Гродно. Отвозили бак с бензином для машины, которую наши подобрали вместе с шофером.

Жизнь в городе налаживается, работают хлебопекарни, бани, парикмахерские. Всюду ходят партизаны с медалями.

Васька Бредихин из 3-го взвода украл у хозяина, у которого мы сушились, ведро с молоком. Я предложил, чтобы он вернулся, отдал ведро, уплатил за молоко и извинился. Так он и сделал, гад.

До Германии 30 километров. Над головой ревет авиация, артиллеристы уже бьют по немецкой земле.

6 августа

Вчера прошел ложный слух о взятии Варшавы.

За Августов немцы дерутся отчаянно. Канал Осовец – Августов преграждает нам путь. Немцы взорвали плотину. Вода разлилась метров на 500–800. Пехота на западном берегу канала, но технику переправить не удастся. Каково ей там, матушке.

Даже мы, современники этих дней и событий, со временем будем удивляться их величю. Каждый день события грандиозной важности. Сегодня мы объявили войну Болгарии, взяли несколько городов Румынии, американцы освободили Антверпен, вступили в Люксембург, финны снова заговорили о мире. Что думают сегодня турки, глядя на болгар, которым не удалось отсидеться за нейтралитетом?

8 августа

Вчера продвинулись к юго-востоку. Стоим в дубраве около дер. Ялувка. Лес хороший, сухой, много малины, она уже перезрела.

Какая странная интонация речи у поляков, особенно у женщин. Не могу забыть, как трогательно Женя говорила «Ну?»

10 августа

Сплошной гул – несколько часок идет артподготовка. Иногда выделяется какое-нибудь особенно басистое орудие. Это слышно уже в Германии. Лишь бы войти туда. Среди этих паскудных тварей начнется паника. Каждый будет спасать свою шкуру. На партизанскую войну они не способны. Говорят, они построили здесь шесть линий обороны. Даже прекратили уборку урожая – все мобилизованы на строительство! Поздно, фрицы, поздно. Не могли удержаться, когда мы были почти за две тысячи верст отсюда, не удержат и теперь. Думаю, это наступление будет последним рывком к разгрому и это последняя артподготовка, которую мы слышим. Лишь бы войти...

11 августа

Вчера было комсомольское собрание. По оживленности оно напоминало лучшие школьные времена. Приняли в комсомол Володюку Лобунца и обсудили состояние дисциплины...

Сейчас меня прервали бомбежка и обстрел. Ил-15 своих бомбил. Сдурели, что ли? И вчера два раза бомбили своих. Зайцев получил медаль, в этот же день мы выдали ему комсомольский билет.

Сплошной гул – идет артподготовка. Иногда выделяется какое-нибудь особенно басистое орудие. Это слышно уже в Германии.

14 августа

Немец стал сильно минировать дороги, по которым отступает, почти как в Жиздре. И кое-кто попадает. В зенитном полку Шуста одна батарея потеряла трех человек. Какой-то дурак сапер возился у дороги с противотанковой, а рядом лежало еще шесть таких. Мина взорвалась у него в руках и сдетонировали остальные, а батарея – рядом. И Кольку Незнамова, шофера, с которым мы недавно отвозили подполковника Рыбакова, – осколком в голову. Он сидел через дорогу. С 18-го года парень. А вчера подорвался Шевчук. Он ехал верхом и уступил дорогу машине, чуть сошел в сторону, а она тут и есть. Лошади вырвало все внутренности, Шевчук оглох и не может говорить, но рассудок не потерял. Еще повезло, что мина противопехотная. Он показал рукой, чтобы дали бумагу и карандаш. Видно, подумал, что его хотят отправить в госпиталь. И написал: «Я пойду с вами». Сегодня уже немного отошел: говорит нормально, но недослышит.

16 августа

Вчера было партсобрание. Присутствовал ген.-м. Васильев, командующий артиллерии и полк Горбаренко. Старшину исключили из партии и сняли с должности, на его место назначили парторга Ильина.

Сегодня три года со дня формирования нашей армии. Издан специальный приказ за подписью Болдина, г.-м. Карамышева, полк Рассадина и нач. штаба г.-м. Брилева. В приказе за взятие Осовца отмечены войска полк Тейковцева (дядя Саша), нач. связи армии, т. е. и мы тоже.

22 августа

Адаев рассказывает, что у них, удмуртов, молодожены три первых ночи спят в амбаре, если даже стоит лютый мороз, и все это время муж не должен трогать жену. Но я, говорит, и одной ночи не выдержал.

23 августа

Старшину Ильина разжаловали, перед строем сняли с него погоны и отправили на один месяц в штрафную роту. Он виноват, но все-таки жаль его.

Да, это случится когда-то.
(Дай бог, чтобы в этом году!)
Усталой походкой солдата
Я к двери твоей подойду.
За годы тревог и разлуки,
Что верности силу дают,
Мне будут наградою руки,
Обвившие шею мою.

Белорусская операция «Багратион», разработанная в основном К.К.Рокоссовским, началась 23 июня наступлением против группы армий «Центр» и завершилась 29 августа 1944 года. В ней принимали участие войска четырех фронтов – 1-го Прибалтийского (генерал армии И.Х.Баграмян), 3-го Белорусского (генерал армии И.Д.Черняховский), 2-го Белорусского (генерал армии Г.Ф.Захаров) и 1-го Белорусского (маршал К.К.Рокоссовский). Это 168 пехотных дивизий, 12 танковых и механизированных корпусов, 20 бригад и 7 укрепрайонов,

а также Днепровская военная флотилия и 1-я армия Войска Польского. Общая численность личного состава 2 млн. 300 тыс. человек. Наземные войска поддерживала авиация 3-й, 1-й, 4-й, 6-й и 16-й воздушных армий и авиация дальнего действия (маршал авиации А.Е.Голованов). Наша 50-я армия действовала в составе 2-го Белорусского. Войска Красной Армии окружили и уничтожили вражеские силы западнее Витебска (5 дивизий), в районе Бобруйска (6 дивизий), под Минском (4-я и 9-я армии – около 100 тыс. человек). Всего было ликвидировано 17 дивизий и 3 бригады, а 50 дивизий врага потеряли более половины состава. В результате операции были освобождены вся Белоруссия, часть Литвы и Латвии. Мы вступили на территорию Польши и вышли к границе Восточной Пруссии. Эта великая победа стоила нам 178 707 жизней, что составляет 7,6 % от общего состава наших войск, и 587 308 раненых. Всего – это 765 815 (Г.Ф.Кривошеев и др. Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М., Вече. С.144–147).

18 сентября

Наступают холода. Ночью уже трудно уснуть. Особенно холодно стоять на посту. А стоять приходится через день – нет людей. Очень холодно по утрам. Прижмемся друг к другу спинами с начхимо Вано, вроде тепло. Наконец решили строить общий блиндаж и сегодня уже строили. А капитану уже готова замечательная землянка.

Крепко поругался со старшиной. Он выдает бойцам поношенное белье, а новое – тому, кто нравится и нужен.

Несколько человек в роте награждены. Ну, мне-то черта с два... Не уживаюсь я с нынешним начальством. Все вспоминаю Ванеева.

Я был несправедлив к начальству: получил же две солдатских медали – «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Союзники уже в Германии. Немцы нас боятся в сто раз сильнее, чем их, и сделают все, чтобы не пустить нас к себе. Вероятно, грандиозные бои идут за Варшаву. По сегодняшней сводке сбито 110 самолетов, уничтожено 130 танков.

Убит Тельман. 11 лет сидел и не дождался конца, который сейчас уже близок

30 сентября

Утром вернулся из взвода Павлова. Побывал на всех постах. Когда был у Берковича, к нему приехал брат, лейтенант-самоходчик Замечательный парень. Нагрянул среди ночи, поднял нас, выставил бутылку водки, сало, консервы – и пошел у нас пир горой. Он рассказал, что на днях немцы большими силами предприняли контрнаступление, перешли Нарев, но назад никто не ушел.

Гудков уверял Берковича, будто в 81ск зачитывался приказ всему личному составу о том, что мы вступаем на германскую территорию не как освободители, а как мстители, что юрисдикция упраздняется, каждому солдату и офицеру дано право судить. Будто за каждого убитого советского воина будет расстреливаться 100 немцев. Не знаю, что и думать обо всем этом. Если правда, то, очевидно, вскоре подтвердится.

Разумеется, все это было вздором. Но примечательно, что такой слух родился – так велика была боль от всех зверств, учиненных немцами на нашей земле.

2 октября

Ну и дежурство по роте выпало мне. Ст. серж Ульянов где-то выпил и нагрубил сперва Пименову, потом капитану Требуху. Ему и пришлось вязать его. А мне приказано посадить его на губу. Посадили почти силой. Он не хотел снимать ни ремня, ни погон. Только сегодня

утром я уговорил его сдать то и другое. Капитан объявил ему трое суток строгого. Хоть он и не велел сегодня давать ему обедать, но я сейчас его покормил. Не переносу я такие вещи.

Прибыло еще несколько девчат, почти все украинки. Среди них есть цветочки с довольно резким запахом. Вот Шурочка Радченко. Коля Клоков играет на гармошке, а она поет частушки такого рода:

Я бывало всем давала, всем давала на току.

Не подумай что иное – на сигарку табаку.

Поет тихим безразличным голосом, словно не понимая о чем. В лице еще много детского. На вид ей, кажется, не больше 16–17 лет. Курит.

Опять осень. Желтеют липы, клены, тополя, поспела брусника, в воздухе нити паутины. Последняя осень.

Черчилль утверждает, что потребуется еще несколько месяцев 1945 года. До конца этого осталось три, срок немалый. Я продолжаю надеяться, что все будет кончено в этом году. Думаю, что подготовка к завершающему штурму уже закончена.

7 октября

Вчера чуть не погиб сержант Нехотьев из полка Шуста. Он шел ночью из Тыкоцына. Навстречу ему – человек, говорят, что поляк. Когда поравнялись, тот выстрелил в него в упор и бросился бежать. Женя упал в кювет, но потом поднялся и нашел силы дойти до полка. Оказалась перебитой гортань. Теперь дышит через трубочку. А как он пел!..

.....

Нина! Конец войны близок, но оставшийся путь будет очень тяжел и кровав. Надо быть готовым ко всему. Хотя каждый человек и думает, что он нечто особенное, отличное от других, но на войне у всех судьба равная. Не завешание я пишу. Нет! Завешание пишут, когда готовятся к смерти. А я хочу еще долго жить, узнать с тобой все радости, доступные человеку на земле. Ведь мы еще так мало жили! Почти четыре года прошло, как я тебя впервые поцеловал, и из этих четырех лет мы два года не вместе.

И может случиться, что я не вернусь. А ты еще совсем молодая, и если я не вернусь, года через два острота твоей боли притупится. Не сердись, что я так говорю, но время самый лучший доктор от всех душевных ран. Я знаю, что ты меня никогда не забудешь, но женой другого все-таки станешь. Он будет хорошим честным человеком, но как страшно мне представить, что он будет тебя обнимать... И твой ребенок не будет ничуть похож на меня. А я так хотел бы быть его отцом!

И я прошу тебя, расскажи своему мужу и детям обо мне, что, дескать, был он неплохой парень и любил тебя больше жизни. Если муж будет ревновать, значит, он мелкий человек, ничего не понимает и недостоин твоей любви.

И прошу тебя. Каждый год 7 октября, когда вы будете садиться за стол, ставь пустой прибор для меня: раз в год я буду приходить и радоваться твоему счастью.

Хочу думать, что эти строки когда-нибудь мы прочтем вместе, и ты скажешь: «Глупый!» и поцелуешь меня. Но это только надежда. Сегодня 7 октября, я не знаю, что будет 8-го.

Целую тебя крепко-крепко.

12 октября

Когда я вижу, как сейчас,
Что жизнь моя на нити тонкой...

.....

И если дням моим предел
Положит пуля или мина,

Я бы на мир глядеть хотел
Глазами собственного сына.

16 октября

Вчера явился в 1-й взвод на пост Распопова. Здесь Анучин, Хамитдуллин, Морозов и одна девчонка – Наташа Михеева. Стоят они, как и большинство наших постов сейчас, на хуторе у хозяев. Вечером ходили к местному милиционеру. По случаю воскресенья у него собралось несколько человек местной молодежи. Танцы. Поляки танцуют как сумасшедшие, азартно, до упада...

.....
Часовни, мадонны, кресты на околицах
И звон колокольный опять и опять —
То Речь Посполита за воинов молится,
Пришедших от рабства ее избавлять...

20 октября

Получил письмо от Симы Ионовой. Она теперь Бутюгина. Знал я Ивана Бутюгина, красивого бледнолицего парня. У них был большой красивый дом на Никитинской улице села Измайлова у Хабаровских ворот.

Ведь Сима – моя первая мальчишеская любовь. Какое охватывало волнение, когда я в надежде увидеть ее проходил мимо их дома, стоявшего как бы на острове. Помню, однажды видел ее там с козочкой на лугу. А позже как трепыхалось сердце, лишь только издали я замечал ее бордовое пальто. До 6-го класса мы учились вместе в старой измайловской «красной» школе, но в разных классах, а потом – в новых разных. Я знал ее не только по школе, но и по двору. Наш дом был № 14, но в «старом» дворе, ее № 15 – «в новом», довольно далеко от нас. Но для меня была полна значения даже близость номеров: 14, 15. А если бы мы не разошлись по разным школам? Ответил ей. И рассказал о давних чувствах.

22 июня около 12 часов мы с Борисом Федоровым зачем-то зашли к ней. Она стояла в открытой двери, и мы о чем-то разговаривали. И вдруг из-за ее спины слышим объявление по радио: «Через несколько минут будет передано важное правительственное сообщение!» И мы почему-то не остались слушать радио у нее, а побежали ко мне домой. У меня, у нашей тарелки и прослушали выступление Молотова: началась война.

21 октября

Роту перебрасывают на правый фланг, опять к Августову Взвод Дунюшкина уже там, Павлова – пошел.

Много разговоров о том, что немцы готовятся применить Fau-1 в комбинации с газами. Роятся бомбоубежища, проверяются химнакидки, противогазы, по точкам разосланы специальные инструкции.

.....
И год еще как мы в разлуке,
И мне не верится опять,
Что я когда-то эти руки
Мог так свободно целовать...
Да, наши дни трудны и грубы,

Но ты ведь знаешь по себе,
Как по губам тоскуют губы
И руки тянутся к тебе...

22 октября

А между тем, на РП появилась новая, очень милая девушка Клава Тихонова.

24 октября

Вчера наши войска вошли в Восточную Пруссию. Началось возмездие. Взят Гольдан, Сувалки. Михайлин говорит, что взят Августов.

26 октября

Стоим на хуторе, занимаем несколько домов, мы – в большом прекрасном доме. Просторно, чисто, светло. Хозяин болен, хозяйствует его сын лет 18. Хозяйка приветливая женщина лет 50. Украшение всего дома – большеглазая, белолицая, с родинкой на щеке, пугливая, робкая Чеслава.

Августов взят!

Сегодня первая ночь с инеем. Вода замерзла. Зимно, зимно, – говорят поляки, а ходят босиком.

4 ноября

Подорвался на mine Голубев. Горе, несчастье, а Требух собрал всех и битый час ругал Голубева: вот, дескать, полез куда не надо, куда не положено. На все смотрит с одной точки зрения – положено или не положено. Не понравилось, как у нас стоит пирамида с винтовками. «Разве положено пирамиде так стоять?» В одной комнате гардероб с зеркалом. «Каждый солдат приходит и смотрится? Убрать!»

5 ноября

«Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» (Сталин, 1931).

С начала войны по 1 авг. 1944 года зарегистрировано 2 644 329 награждений. Одна треть из них – коммунисты. Из 5241 Героя Сов. Союза больше половины коммунисты. Из 24 дважды Героев 22 коммунисты.

9 ноября

Опять дежурный по роте. Сейчас дежурными ходим трое: Ильин, Лобунец и я. Все давно спят. Вдруг отворяется дверь и старшина зовет: «Бушин, поди сюда!» И повел меня в комнату к хозяевам. Так вот они где! Сидят за столом: на углу Ильин, рядом – старшина, с ним – Чеслава, повар Смирнов, ее брат Олег, их мать. Мне отвели место между Олегом и хозяйкой. На столе – бутылка с водкой и закуска. До меня, как видно, они уже приложились. Особенно хорошо это видно у Чеславы: ее красивые голубые глаза светятся мягко, застенчиво и в то же время весело. Она лепечет что-то нескладное, старшина обнимает ее, она не сопротивляется. Сейчас особенно видно, что руки у нее грубые, рабочие, со шрамами, а лицо – красиво и женственно от рассеянной улыбки.

Олег наливает рюмки. Я предлагаю тост «За сильную, независимую, демократическую Польшу, нашего соседа и друга!» Потом пьем просто за здоровье, за чье – неизвестно. Олег пробует запевать: «Еще Польша не згинела!..» Я снова: «За знамя нашей победы над Берлином!» Никак не могу понять, чем мы закусываем. Все смеются надо мной. Потом рассказали,

что это кровавая колбаса, зажаренная в сале. Хозяйская свинина замечательна – мягкая, душистая.

Чеслава пьянеет все сильнее. Старшина почти целует ее. Наконец водка кончилась. Мы встаем. Чеслава легла на свою постель. Старшина остается. Я ужасаюсь... Потом Смирнов зашел и сказал, что она лежит с ним. Удивляюсь спокойствию матери и Олега. Я бы набил старшине морду. Иду спать...

Смешная и милая девчонка Саня Баронова. Она вчера просила Нину Фадееву научить ее целоваться.

10 ноября

Кажется, старания старшины были напрасны. Я очень рад. Чеслава по-прежнему пуглива, робка и застенчива.

Вчера к ним приезжал ксендз, мужчина лет 35, высокий, тучный, холеный в очках с тонкой оправой. Подкатил на бричке, богато украшенной цветастыми шальями домашней работы. Почти на ходу соскочил с сиденья и, бросив недружелюбный взгляд на нас, быстрыми шагами прошел мимо хозяйки и дочери, опустившихся перед ним на колени, в дом к хозяину. Его здоровье сильно ухудшилось, и ксендз приехал, чтобы причастить его.

Как старательно вся семья готовилась к приезду ксендза. В комнатах, даже к коридоре все было чисто прибрано, сами они принарядились. Мы так не готовились даже к приезду генерала.

Когда ксендз выходил из дома, в руке у него был белый узелок, надо полагать, вознаграждение. А у нас попы никогда не окружались таким почтением. Сколько самых забористых сказок и побасенок рассказывают о них на святой Руси. Чего стоит одна «Сказка о попе и работнике его Балде» Пушкина.

После смерти Пушкина его архивом занимался Жуковский. Он и обнаружил эту «Сказку», которую автор написал еще в 1830 году, но и не надеялся напечатать. Как писал С.М.Бонди, она «представляет собой во многом близкую к подлиннику обработку народной сказки. Сюжет о жадном попе и о перехитрившем и наказавшем его батраке очень распространен в народных сказках Пушкин усилил социальный смысл этой антипоповской сказки и очистил от всего лишнего».

В 1840 году Жуковский напечатал «Сказку» в своей переработке:

Жил был купец Кузьма Остолоп
По прозванию Осиновый лоб и т. д.

В подлинном виде «Сказка» была напечатана гораздо позднее. А проделка Жуковского, естественно, никогда больше не печаталась и осталась в истории литературы как факт вопиющего попрания воли автора после его смерти. И вдруг в этом году в Липецке один священник издал «Сказку» в переделке Жуковского! Опять:

Жил-был купец Кузьма...

Не вынесла богобоязненная душа правдивого пушкинского слова, сказанного 170 лет тому назад! Как это характерно для всего ретроградно-мракобесного строя нынешней России с ее двуглавыми орлами, триколорами, господами... Сейчас в любой редакции Пушкина с его «Сказкой» и слушать не стали бы. А то и спустили бы с лестницы. В любой! Вплоть до «Правды». Ведь уверяет же Г.Зюганов, что ныне треть членов КПРФ – верующие.

14 ноября

Черчилль в палате общин сказал о новых ракетах дальнего действия, которые немцы стали применять против Англии. Они поднимаются на высоту 100–120 км и летят со скоростью, превышающей скорость звука. Если принять, что это 350 м/сек, то в час они могут преодолеть 1260 км. Конечно, этим оружием ничего существенно уже не изменишь, но все-таки дело серьезное. Все зависит от радиуса действия. Ведь если удастся его увеличить до 2 тыс., то и Москва окажется в зоне обстрела. Быстрее их надо добивать, чтобы еще чего не придумали.

После Первой мировой войны сильное развитие получила авиация, а после этой, надо думать, получат ракеты самого разного вида.

Чернов рассказал, что еще в начале войны один майор говорил ему о таком снаряде, который содержит в себе еще несколько снарядов и когда вылетает из пушки, то через какое-то время рвется и из него вылетают эти другие снаряды, они летят дальше.

«Мы не пережили и не переживем и одной десятой доли того, что уготовано тем, кто начал и развернул это жестокое нападение» (Черчилль. 9 ноября).

Да, вы не пережили, вы и не переживете.

24 ноября

Маруся Живоглядова под большим секретом сказала мне, что Катя Агапкина беременна. Кто здесь виноват, судить трудно. А Тоньку Чекулаеву украл в свою часть какой-то лейтенант.

27 ноября

Нина в последнем письме пишет: «Володька, если ты не веришь мне, то кто и кому тогда может верить? Право же, никто так не хранит верность своим милым, как я. Абсолютно безгрешна». А ведь красавица!

30 ноября

Пропал Зайцев. Куда-то вышел без оружия, и вот уже несколько дней нет его.

3 декабря

Адаев уехал в дом отдыха под Домброво. Мне поручено на это время его заменить. Вчера ездили на склад, все, что было, получили. Ох, и не люблю же я это дело...

Сейчас мы с Ильиным загнали черта носатого Лобунца в одном нижнем белье в угол на нары и вдосталь отхлестали ремнями.

Сегодня получил ответ из «Красноармейца» от какого-то Л.Котомка. Не понравились ему мои стихи.

Попросил Нину прислать «Манифест».

8 декабря

Запись делаю на семинаре комсorghов, созванном политотделом армии. Майор Пьянцев прав, когда говорит, что уж и то большое дело, что мы друг на друга посмотрели.

Ухожу с семинара с добрым намерением. Будем работать с новым парторгом. Ильина неожиданно сняли, и на его место пришел ст. с-т Гончаров из полка Шуста, говорят, с высшим образованием.

Только теперь прочитал ст. Эренбурга «Ответ леди Гибб». Как это она от меня ускользнула. Хорошо сказано. Ишь, сердобольные нашлись.

12 декабря

Вернулись из отпуска Михайлин и Обертышева. Сейчас уехали в отпуск Беркович и Юрескул. До Москвы они добирались три дня. Рассказывают, что там – сугробы по колено. А здесь сейчас сырость, туман, дожди. Как хочется побывать дома. Вернее, как хочется к ней, к Нине...

15 декабря

Вчера мне опять выпало дежурство с приключениями: пришлось арестовывать Пирожка. Опять черт старый где-то напился.

В 41-м году против Германии воевало 14 государств, сейчас 38. Лучше бы сказать так 1 и 37.

На днях производили пристрелку новых карабинов. Я стрелял лучше других.

Еще утром Лобунец ушел в Пшистовку, и до сих пор его нет.

16 декабря

Слышу в соседней комнате говорят обо мне.

Адаев:

– В пехоте он давно был бы заместителем командира полка по политчасти.

Чернов, кажется:

– Да не только в пехоте, а в любой другой части он уже далеко бы продвинулся, только не в нашей роте.

Носов:

– Нет, только на передовой он продвинулся бы...

Лобунец ушел еще утром в Пшистовку, и до сих пор его нет. Видимо, у Кулиманова.

18 декабря

Куда девался Лобунец? Ведь почти двое суток, как ушел. Либо его послали на какое-то срочное секретное задание, либо Кулиманову стало известно что-нибудь из его прошлого. Ведь он два года был в оккупации. Молодой здоровый парень, почему он не ушел к партизанам? Но с др. стороны, если за ним есть какие-то грехи, то ведь он их давно искупил кровью, он дважды ранен.

Несмотря на то что он был дежурным по роте, Пименов направил его в отдел контрразведки штаба армии с пакетом обычного содержания (о личном составе). Он взял автомат и в одной телогрейке ушел. Пименов, как это заметно, все знает.

Пименов разрешил мне заменить карабин на автомат. Сегодня я его пристреливал. Бьет отлично.

20 декабря

Сегодня наконец пришел Кулиманов. Вызвал меня и сказал: – Хочу вас предупредить, т. Бушин, что вы очень неосмотрительны при приеме в комсомол. Советую вам в этих вопросах всегда советоваться со мной.

Я ответил, что понимаю, о ком он говорит, и понимаю свою беспечность в этом деле. Он сказал, что в политотделе мне еще наломают шею. И дальше:

– 16-го числа я разоблачил Лобунца как агента германской разведки, агента гестапо.

Я достал старый протокол о приеме Лобунца в комсомол. Рекомендации – Бушин и Тупо-носов.

И подумал, что все-таки надо верить первому впечатлению: он мне сперва очень не понравился. Но потом подружился. И какое совпадение: Нина тоже писала, что он ей не нравится, а ведь она знает о нем только из моих писем. Как позорно я прохлопал, проглядел врага. Ведь вся рота считала нас лучшими друзьями. Из одного котелка ели, один кусок хлеба ломали пополам. Мы все думаем, что враги какие-то особенные, а они вот принимают личину друзей, хороших ребят. Как он пел Лещенко!

Осень... Прозрачное утро.
Небо как будто в тумане,
Даль из тонов перламутра,
Солнце холодное раннее.
Где наша первая встреча,
Острая, нежная, тайная.
В тот летний памятный вечер
Милая словно случайная...

Мне многое в нем не нравилось и потом, но сейчас поздно об этом говорить. В моей жизни это первый случай такого рода, надо, чтобы он же был и последним.

Молодец Кулиманов. Я проникаюсь к нему уважением.

Он сказал мне, что Лобунец был завербован немецкой разведкой во время оккупации Путивля, где он жил. Я пытаюсь представить себе его мысли и чувства. Значит, он считал, что немцы пришли навсегда? Значит, был не рад освобождению Путивля?

Кулиманов уверял, что сказал ему «Сволочь ты. Если бы сейчас был не 44-й, а 41-й год, я бы вывел тебя и расстрелял, но теперь тебя отдадут под суд. Счастье, если ты отделаешься штрафной, но думаю, что заслужил либо расстрел, либо виселицу».

И еще сказал Кулиманов: «Вы сейчас намерены принять в комсомол Н. Советую воздержаться. Он четыре раза был в окружении». Я промолчал...

22 декабря

Ночью опять долго торчал у нас Кулиманов. Вызывал Бороненкова, Крылова. Около часу ночи вызвал меня. Беседовал со мной долго и дружелюбно. Мы вышли из его землянки около четырех часов. Ночь стояла тихая, темная, звездная...

Валька Калашникова, помирая со смеху, рассказывала, что она зачем-то полезла Райсу за отворот шапки и вытащила оттуда пару презервативов. Тот смутился невероятно, но не нашел ничего умнее, как взять один и надуть. Ох, и оторва эта Валька из Иванова. А Райс, как видно, всегда в полной боевой готовности даже в зимнее время.

25 декабря

Итак, вчера в ясный, ветреный морозный день мы оставили Длуги Луг, где простояли два месяца. Прошли км 20 и остановились ночевать в д. Яскра, где стоял пост Берковича, который ушел вперед.

Расположились все в одной избе. Поужинали, поговорили с поляками. Панночки знают все наши песни и поют то «Шумел камыш», а то —

Я любила лейтенанта
И любила старшину —
Лейтенанта — за погоны,
Старшину — за ветчину.

После войны русские песни будут распевать по всей Европе.

А спалось после 20 км крепко.

Время седьмой час. Я разбудил старшину Басова, позавтракали и — дальше.

Позже, местечко Хорош, 10 км южнее Белостока

Расположились в небольшом каменном доме, пока нас семь человек. Нашу комнату всю зиму не топили, она промерзла, холодно. Притащили соломы, на ней и спим.

Я сегодня дежурный. Постов всего три. Семья, у которой живем, русская. Даже 70-летний дед не знает, как они сюда попали. Словом, живут здесь спокон веку. Но вся семья свободно говорит по-русски, и у всех русские имена: Лиза, Петр, Иван, Евгений, Николай. Хозяйка непочтительно, прямо враждебно говорит о поляках. Рассказывает, что при немцах они говорили, что после этой войны начнется другая: поляки по всей Польше перебьют москалей. Рассказывает о довоенных случаях убийства жен командиров Красной Армии.

Спрашиваю хозяйку: «Зачем жить в таком враждебном окружении? Езжайте в Россию». – «Привыкли».

Сегодня у поляков Рождество. Но наши хозяева будут его праздновать 7 января.

Сообщили, что вчера подбито 177 танков, сбито 54 самолета. Бои разгорятся. Окружен Будапешт.

27 декабря

Черчилль и Иден в Афинах, где еще идет стрельба.

31 декабря

До Нового года осталось не больше часа. Едва ли удастся как-нибудь отметить его приход. Хоть бы дали по 100 гр. Единственная радость сегодня – два письма от Нины. Она защитила проект на 5. Молодчина! Она просто талантлива. А год назад мы были вместе. А сегодня нет возможности и тост поднять. А еще писала, что с Тамарой Казачковой видели Феничку. Майор.

А вообще-то я вступаю в 1945 год с самыми светлыми надеждами на победу, на окончание войны, на возвращение домой. Как интересно бы знать, где я буду 31 декабря 1945 года, что будет со мной. Как этот год казался далеким когда-то.

Помню, однажды в 7-м классе на уроке конституции или обществоведения Захарова сказала: «В 1945 году будет построен коммунизм».

У меня какие-то особые надежды на этот год, он будет знаменательным, великим.

Из дневника 1945 года

1 января

Вчера Гончаров крепко подшутил надо мной. Поднес мне стакан водки. Я ее ахнул за Новый год, за победу, закусил кусочком хлеба и думал, что это от щедрот старшины.

А сегодня Обертышева мои законные 100 грамм не дает «На вас вчера взяли» – «Как взяли? Кто?» – «Гончаров». Оказывается, вчера в суматохе впотьмах, чуть не из-под полы я выпил свои законные.

И вот сегодня ребята донимают: «Обрадовался на чужбинку и без всякой закуски...»

Сегодня у меня зазвенело в левом ухе. Спрашиваю Устименко: в каком? И задумал: побываю в отпуске или нет? Он угадал. Значит, побываю.

3 января

Ночую на посту Горбаренко. Это новый ефрейтор, родной брат нашего полковника.

Эренбург прислал во «Фронтовую правду» новогоднее поздравление. Желает нам быть в Берлине весной. «Во-первых, весной даже немецкие города лучше, а, во-вторых – и это самое главное – весна приходит раньше осени». Все надеются, что новый год будет годом победы.

6 января

«Прислушайтесь, друзья. То бьют куранты истории. Мы начинаем не новую страницу – новую летопись. Сердце и ум твердят: 1945 год будет первым годом другой, большой выстраданной нами жизни» (*Эренбург*. Куранты века).

Вчера привез из госпиталя Адаева. Это чудо, что мне удалось забрать его.

Обычно на просьбу или требование о возвращении в свою часть отвечают отказом.

Сегодня впервые с 22-го помылись в бане. После этого хочется спать, но мне выпало дежурить. Думаю сейчас заняться «Манифестом», который прислала Нина.

8 января

Вчера партбюро дало мне рекомендацию в партию.

10 января

Вчера мы с Адаевым пошутили над Надей Беловой. Она очень хочет сфотографироваться. Мы сказали, что можем. И вот она принарядилась, сколь можно, и пришла. Я взял газоопределитель, очень похожий на ФЭД, и заставлял ее принимать разные эффектные позы. Она все послушно выносила. Мы сказали: через два дня будет готово. Много нашлось и еще желающих: Абдуллаев, Кадушкин, Корнеев...

«Ты меня любишь, радость моя? Люби, милый. Сколько нежности, радости и ласк могу я подарить тебе! Только ты не ищи ничего этого у других женщин. Для тебя только я. Ведь все это я отдам одному тебе. А как я жду тебя, тоскую... И помни: у кого было много женщин, тот познал, а кто любил одну, тот познал любовь».

Позже

Сегодня приняли кандидатом в партию. Прием прошел благополучно. Вопросы задавал только майор Амбрузов. Он мне показался очень симпатичным.

14 января

Женщины более откровенны, чем мужчины, их легче вызвать на «разговор по душам». Полина рассказала мне о своих отношениях с подполковником из корпуса в таких подробностях, что даже неудобно записывать.

На 15-е наметили комсомольское собрание. «Как комсомольцы роты готовятся выполнять приказ т. Сталина № 220».

Послал в «Разгромим врага» в окончательном виде это стихотворение:

Все ближе заветная дата...
Я верю, что в этом году
Нелегкой походкой солдата
Я к двери твоей подойду.
Ты выйдешь навстречу, как прежде,
И, дверь не прикрыв за собой,
К моей пропыленной одежде
Внезапно прижмешься щекой.
За годы тоски и разлуки,
Что верности силу дают,
Твои драгоценные руки,
Как прежде, меня обовьют.

16 января

1-й Украинский стремительно наступает из района Сandomирского плацдарма. Прорыв расширяется. Заняты Кельце и др. Куда пойдут: на Лодзь или на Краков? Передали приказ о прорыве на участке 1-го Белорусского южнее Варшавы. Прорыв грандиозный – 120 км. по фронту!.. И у нас на левом фланге три дня гремит канонада. Туда то и дело идут Ил-2 и Ил-4. Вероятно начинается решающий штурм.

Вчера было комсомольское собрание. Удалось собрать только 30 чел. Но прошло очень живо, активно. Выступающих было половина – 15 чел.

Капитан объявил мне благодарность за хорошие результаты на стрельбах: из шести пуль в цель попали все шесть.

18 января

Итак, наступление ширится. Взят Радом. 1-й Укр. всего в 20 км от Кракова. Несколько часов назад сообщили, что взята Варшава! Как только я узнал, пошел поздравлять поляков. Первой поздравил Гертруду Ивановну. Милая симпатичная женщина. Она обрадовалась больше всех. Потом пошел к пану Сandomирскому. Ему пришлось долго толковать, что такое магарыч. Наконец я сказал просто: «Ставь пол-литра!» Он перепугался и стал оправдываться, что ему уже попало от капитана за угощение наших. Я ему сказал, что через четыре месяца мы будем в Берлине.

Был приказ за еще какой-то город. Пашка Огородов не запомнил. Очевидно, за Ченстохов. «Матка Бозка Ченстоховска», – часто говорят поляки.

Сегодня около нас приземлился Ил-2 – кончилось топливо. Стрелок-радист ночует у нас, а летчик – на местном посту.

23 января

Какие дни настали! Считаем, сколько до Берлина. Для 1-го Белорусского. их не больше 250 км. Сегодня снова, уже третий раз, Москва салютовала пятикратно! За Инстербург, Алленштейн, Дейтш-Айлау, Остерланде, Иноврацлав... Как сладко звучат эти названия...

Наш фронт, видимо, нацелен на Эльбинг, чтобы изолировать всю Пруссию и войска там. До Эльбинга осталось км 60–70. Юго-восточная Пруссия. Осталась в глубочайшем мешке. И нам выпала неблагодарная роль быть дном мешка. Что ж, уж если не суждено дойти до Берлина, будем в Кенигсберге.

С одним из упомянутых здесь немецких городов связана занятная страница хвастливой и невежественной болтовни Солженицына. Он ведь врал не только на родине, но и за ее пределами, охват глобальный.

30 июня 1975 г. он выступал перед профсоюзными деятелями США Изображая себя рабочим человеком, познавшем все тяготы физического труда, он воскликнул: «Братья по труду!» И дальше там такие слова: «Я был в тех войсках, которые шли прямо на Эльбу, еще немного – и я должен был быть на Эльбе и пожать руку вашим солдатам. Но меня взяли незадолго до этого в тюрьму. Тогда встреча не состоялась... И я пришел сюда вместо той встречи на Эльбе (*аплодисменты*) с опозданием на тридцать лет. Для меня сегодня здесь – Эльба!»

Действительно, Солженицына «взяли в тюрьму» за два с половиной месяца до встречи 25 апреля 1945 года войск 1-го Украинского фронта с американцами на Эльбе в Торгау. Но если по оплошности его и не взяли бы, то и тогда он никак не мог пожать руку американцам, которым сейчас так хотел понравиться Дело в том, что Александр Исаевич служил в 48-й армии, которая, как и моя 50-я, в составе 3-го Белорусского фронта вторглись в Восточную Пруссию. Там он командовал своей беспущечной инструментальной батареей. Это до Торгау, пожалуй километров 600–700. И если моя армия шла прямо на Кенигсберг, стоящий на реке Прегель, то его – на Эльбинг, стоящий на Висле. Там американцами и не пахло. В наступающих войсках 48-й армии, естественно, частенько раздавалось голоса: «Эльбинг!..Эльбинг!..» Солженицын не мог не слышать это и решил, что город с таким названием, конечно же, стоит на Эльбе. Надо полагать, в его голове все прояснилось бы, если ему довелось бы побывать в этом городе, но его «взяли» 9 февраля, а Эльбинг взяли 10-го, на другой день после того, как Красная Армия освободилась от Александра Исаевича. Но откуда могли все это знать его американские слушатели в 1975 году? Они аплодировали герою...

24 января

Как непривычно и радостно звучат названия немецких городов, взятых Красной Армией: Крейцбург, Аллендорф, Инстербург...

Вчера мы с Адаевым ездили в Кнышин и ночевали у одного поляка. Как он восторгается Польшей и поляками! И это после разгрома в 1939 году. А что должны чувствовать мы за Россию!

26 января, г. Биалла

Сегодня перешли границу.

Границу Германии люди переходили по-разному, с разными чувствами.

Не так давно в Германии в почтенном возрасте умер уехавший туда литературовед-германист Лев Копелев, мой сосед по фронту в Восточной Пруссии (служил в политотделе 48-й армии, кстати, в той же, что и Солженицын) и сосед по лестничной клетке в московской квартире. Это личность во многих отношениях примечательная. Начать хотя бы с того, что его всю жизнь отовсюду исключали, начиная с пионерской организации, а потом – из какой-то профшколы, из кандидатов в комсомол (был такой институт), из членов комсомола, из Харьковского университета, из Московского института иностранных языков, на фронте – из партии, после войны – из Союза писателей... И только из России он уехал по доброй воле. Он, конечно, постоянно жаловался на несправедливость, причем – в самые высокие инстанции, вплоть до папы Римского. То есть человек был бесстрашный и неустоимый на жалобы. Не зря

же в его имени в отличие, допустим, от Льва Толстого, истинного льва русской литературы, было сразу аж два Льва: Лев Копелев.

Как сосед по квартире Лев Залманович мне сильно досаждал тем, что со страшным львиным грохотом захлопывал дверь лифта, что не только ужасало всех жильцов нашего этажа, но и просто грозило существованию самого лифта. И однажды я не выдержал, быстро выскочил на площадку и бросил ему в лицо с огромной бородой: «Если вы еще раз так грохнете лифтом, я напишу папе Иоанну Павлу Второму!» И что вы думаете? Подействовало. Отныне он пробирался в свою квартиру как мышка, а не лев.

Но это все много лет спустя. А границу Германии 33-летний майор Копелев, питомец института истории, философии и литературы (знаменитый ИФЛИ), специалист по Шиллеру и старший инструктор Политуправления фронта, перешел границу так. На территорию Германии он ехал на машине во главе небольшой группы из Политуправления в двухдневную командировку с целью изучить настроения среди немцев. И вот едут... В книге «Хранить вечно», вышедшей в США в 1975 году, он писал: «Установив точно по карте линию границы и убедившись, что мы ее пересекли, я скоординировал: «Вот здесь Германия. Выходи опаравляться!» (с.91).

Трудно поверить, что солдату Сидорычу, тюменскому колхознику, и пожилому шоферу эта принудительная опарвка под команду интеллигентного майора пришлась по душе. Возможно, под команду они опаравляться и не стали, но уж Лев-то Залманович, знаток Шиллера и Гете, духовный сын Лессинга и Томаса Манна, наверняка подготовился к этой акции со всей основательностью своей научной эрудиции. Поди, перед выездом принял чего-нибудь мочегонного.

И представьте себе, жизнь свою завершил в Германии как великий друг немецкого народа.

28 января, Биалла

Одиночные пожары продолжаютс. Любители трофеев работают вовсю. Почту сразу завалили посылками в тыл. Мы своего поросенка уже съели, народу-то много. Поляков, которые тащат немецкое имущество, останавливают и все отбирают. Пьяные в городе не редкость. Сегодня как дежурный по роте сажал на губу Пирожкова и Година. Гончаров пьян и Аньку свою напоил. Карманов приехал пьяный, Валуев – тоже. Вчера, чтобы не обидеть Смирнова, я сделал вид, что пью, а сам вылил.

В немецких домах поражает обилие всякой мелочи, часто безделушек. Попадаютс и наши советские вещи. Случаев отравления, кажется, не было. Минировать он тоже не успел. Мы нагрянули внезапно.

31 января, Зенсбург

Попадаютс подводы с поляками, русскими, итальянцами, французами. Много немцев, большинство старые, но есть и молодые. Меня сперва удивило, что на мой вопрос, кто они, отвечали не скрывая: немцы.

С Валуевым зашли в дом. В комнате фрау и герр. На мое приветствие «Guten Tag!» поспешно и любезно отвечали. Разговариваю с герром вначале по-немецки, потом оказалось, что он может и по-русски. Перешли на русский. Он с 1914 по 18-й год был у нас в плену. «Как обращались с вами в плену?» – «Хорошо» – «А почему вы так поступаете с нашими пленными?» – «Мы не виноваты». – «Кто у вас еще есть?» – «Sohn Walter». Входит верзила Вальтер, которому, по словам матери, 16 лет. Она по-русски не понимает. Он смелее, но, увидев в руках у меня пистолет, пугаетс. Отец говорит, что его хотели забрать в СС, но он молод.

Еще зашли в пустой дом, в котором много прекрасной одежды. Я взял на всякий случай смокинг. Ха-ха! Может, послать домой?

Мне думается, зря разрешили эти посылки. Еще хорошо, что немец не минировал дома, а то было бы столько жертв. И вообще это действует разлагающе. Но у меня кроме пистолета (оружие не грех) и костюма ничего нет. А костюм завтра еще, может, брошу.

Сегодня ночуем в пивоваренном заводе. Бочки водки, ящики ситро, сало, масло, сахар. По дорогам бродят сотни отощавших коров, все черно-белой пегой масти.

Проезжали мимо кучи убитых немцев. Только отъехали, один поднял голову и опять положил.

3 февраля, Бишофсбург

Город разрушен еще больше прежних. Некоторые кварталы горят до сих пор. Впереди – Зеебург.

Славяне не пропускают ни одной немецкой повозки, но лошадей все-таки не просто берут, а заменяют.

Жуков километрах в 70 от Берлина.

7 февраля, Зеебург

Немцы сопротивляются отчаянно. Ночью в город прибывают машины с ранеными. Душу выворачивает от их страшного крика.

Получил нехорошее письмо от Нины. Настроение у нее ужасное. Вероятно, под влиянием трудных условий работа на заводе. Мрачные, тоскливые мысли. Она совершенно серьезно пишет, чтобы я передумал, пересмотрел, люблю ли я ее. Я, говорит, очень изменилась за это время. У меня от этого сожаление и тоска. Как я хотел бы сейчас ей чем-то помочь, ободрить. Мне кажется, что, если я даже разлюблю ее и сильно полюблю другую, я не найду сил уйти от нее. Многие заставляют меня думать, что наиболее характерная для меня черта – жалость, сострадание. Но едва ли кто-нибудь, наблюдая меня, сделает такой же вывод. Ведь я очень вспыльчив, несдержан и даже груб. Об этом мне только сегодня говорил Василий Иванович.

Вчера все-таки отправил посылку матери: шерстяной отрез и костюм. Наверное, испугается старушка. Посылки отправили почти все в роте.

Понемногу начинают наводить порядок отбирать вещи у населения запрещено, право при необходимости расстреливать предоставлено только передовым частям, скот собирают в стада, отправляют в тыл, нам дали задание собрать 30 лошадей, начали собирать, немцев берут на учет.

На одном фольварке мы натолкнулись на семью не то немцев, не то поляков, не то немцев, говоривших по-польски. Вслед за нами приехал верхом какой-то солдат. Мы уже собирались уезжать, как вышел Валуев и говорит «Вот черт, в сених насилует!» Я не поверил, вернулся, вошел в пустую захлавленную комнату. Она стояла перед диваном, сложив ладонями руки и даже боялась говорить, а только дрожала и прерывисто вздыхала. Парень попросил меня уйти. Я начал его уговаривать бросить ее, уйти. И, как мне показалось, уговорил. Я думал, он выйдет следом за мной. Но мы сели в тарантас, и только когда отъехали метров 400, он появился верхом. Неужели успел сукин сын? Ведь у нее здесь был ребенок и муж... Ах, как жалею, что не дал ему по морде и не прогнал к чертям! Стрелять такого гада на месте...

В армию брали не по «Кодексу строителя коммунизма», а только по двум статьям – возраст и здоровье, остальное никого не интересовало. Поэтому, конечно, на фронте встречались и преступные типы, и люди с дурными склонностями, и просто распушенные, хулиганистые

субъекты. И вот они с оружием в руках, частенько вдалеке от всякого начальства в чужой стране, которая только что принесла столько горя их родине. Конечно, находились мстители и такого рода, что в приведенной записи. Но гораздо важнее то, что это жестко пресекалось, за это грозил трибунал. А вот во Франции, когда там высадились американцы и англичане, жертвами оказались женщины не враждебной, а союзной страны, которая ничего дурного не сделала Америке. Но и там это сурово преследовалось.

11 февраля, Хайльсберг

Это самый крупный из всех городов В.Пруссии, что мы прошли. Бой за него был упорнейший. Его брал не наш фронт, а Черняховского. Но теперь, говорят, нас передают ему.

Эренбург пишет «Только бы не смягчиться, только бы не забыть!» А, по-моему, уже смягчились. Мы не убиваем стариков, детей, женщин. Если такие факты и есть, то они единичны. За все время я видел только раз труп ребенка, неизвестно как погибшего, и раза 3–4 стариков. А ведь пятилетний ребенок, как напоминает Эренбург, через 15 лет может быть солдатом. Нет, убивать нельзя!

Случаи насилия тоже широкого распространения не имеют. Сегодня из политотдела армии пришла бумага, в к-й указывается, что некоторые комсомольские руководители занялись пьянкой, барахольством, самоустранились от комсомольской работы. Приводится пример: комсорг УКАРТА (забыл фамилию), который устроил попойку... Вероятно, снимут с работы. Вспомнил фамилию комсорга – Житник!

16 февраля, Лоттенбрух

Сегодня совершили небольшой переход – км 12.

Позади нас стоит артбригада и бьет через наши головы, недалеко от нас бьют и «катюши». Где-то строчат и пулеметы, доносится и ружейная стрельба. Небо дрожит от кровавых сполохов.

18 февраля

Бои идут упорные. Вчера наш 3-й Белорусский занял два города. Наши артиллеристы молотят и молотят. Немцам надо благодарить бога, что погода нелетная. В последний летный день над нами стаями проходили сотни «илов», «бастонов» и «яковлевых»

Вернулся Николай Чувашов. В штрафной он не был недостаточно материала. Думает теперь идти в полк Шуста.

22 февраля

19-го с военфельдшером Тамарой Гусевой побывали во взводе Павлова. Провел там беседу о положении на фронте и о Крымской конференции. Их частенько обстреливают. В корпусе есть потери. Чебуркову осколок, видимо, уже падая, ударил плашмя и контузил руку. И Распопову повезло: он спал под телегой. А бойца (не нашего), спавшего на телеге, убило снарядом, и лошадь убило. Райс рассказал, что и ему повезло: начался обстрел, и он решил лечь в кювет, но не успел. А снаряд угодил как раз в то место, куда хотел лечь.

А Лобунец-то, оказывается, вовсе не в штрафной, а в 58зсп.

Бой с невероятной силой гремел весь день, сейчас смолк. У нас особенно активно работают артиллерия и авиация. Самолеты ходят сотнями. Капитан Завязкин говорил, что немцы подбросили несколько танковых дивизий, чтобы успеть вывезти ценности.

Все хутора здесь побиты. На хуторе метрах в сорока от нас приютились беглые немцы: две старухи, старик, женщина средних лет и шесть ее детей. Я довольно легко с ними говорил. Жаль детей. Старший Франц, ему 10 лет. Они мне вчера сказали, что у них нечего есть. Ночью

я принес им хлеба... А наши-то дети как гибли тысячами, подбрасывали детей и стреляли... Валуичик всех их рассмешил, развеселил, они перестали нас бояться.

Получил письмо от С.Швецова из «Разгромим врага». Пишет: «Тов. Бушин, стихотворение Ваше получил. Оно настолько хорошо, что у некоторых товарищей в редакции возникло сомнение: действительно ли Вами написана эта вещь? Не списана ли она из какого-нибудь журнала. Прошу прислать другие Ваши стихи и указать Ваше воинское звание. Прошу не обижаться, если сомнение товарищей окажется неосновательным. К нам поступает много стихов известных поэтов, под которыми стоят подписи, не имеющие никакого отношения к этим стихам. С приветом. С. Швецов».

Это о стихотв. «Все ближе заветная дата». Конечно, приятно читать такое письмо: я заподозрен в плагиате! И, выходит, по мнению редакции, мой стишок мог быть напечатан в журнале. Но до чего соблазнительна слава стихотворца: к ней пытаются приобщиться даже обманом и даже на фронте.

26 февраля

Сегодня миновали Мюльзак, прошли еще 12 км. Расположились в трех домах. Дома разбитые, окон нет. Пришлось с ними повозиться, чтобы можно было жить. Когда мы с Гончаровым вошли, глянули, казалось, здесь черт ногу сломит. Но только стоило взяться энергично, поработать часок-другой – и уже у дома божеский вид. Так и во всяком деле: трудности часто выглядят преувеличенно.

Шевцову послал еще три стихотворения.

На новом месте Валуева и Пирожкова еще не посадили. Я на них не могу смотреть... Он стал молчаливее, а если когда и продолжает балагурить по привычке, меня это не смешит. Более гнусного и лживого подлеца, чем Пирожков, я еще не встречал. Как мордовал их обоих Требух! Они так и летали из угла в угол от его кулаков. Молодец. Так и надо. Пусть радуются, что он их под трибунал не отдал...

Немцы прижаты к морю, и артиллерия бьет их беспрестанно.

Странно, не видно убитых наших солдат. Быстро хоронят? А Капин говорил, что потери большие, бывали случаи, когда от батальона оставалось 11 человек. Верно ли? Ведь потери всегда преувеличивают, считая их доказательством героизма. А это далеко не всегда так. Павлов не раз напевал песню еще времен Германской войны:

Вот вспыхнуло утро, и выстрел раздался.
Над озером белая чайка кружит.
Один я от всей полуроты остался...

А до войны была песня «Орленок», там было так

Навеки умолкли веселые хлопцы,
В живых я остался один...

И того «ведут на расстрел».

Эта «традиция больших чисел» в стихах и песнях после войны была продолжена. Вспомните песню «Безымянная высота»:

Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят...

Почему, по какой причине, в результате чего – об этом ни звука, слушайте, что я говорю. А ведь большие потери могут быть и результатом ошибки, промаха, неумелого командования.

Интересно, кто будет командовать нашим фронтом после гибели Черняховского. Ах, какого мужика не уберегли!.. Он отстреливался до последнего патрона. А у нас сняли Болдина, командовавшего армией еще под Калугой. Говорят, за безобразия в армии вроде того, что учили пьяные Валуев и Пирожков.

4 марта, Айххольц

Ужасное настроение вроде предчувствия беды. Может быть, от Нининых писем, которые вчера получил(2). В них много горького, но верного. Она просит откровенно сказать, что я думаю о нашем будущем. Твердит о том, что она старше. «Сейчас ты об этом не хочешь слушать. Но через год-два мне не надо будет напоминать тебе об этом». Ну, это преувеличение. В 24 года она собирается старухой стать? Что за глупости! Конечно, рано было бы мне в 22–23 года обременять себя семьей. Надо бы получить образование, специальность. Не плохо бы лет пять пожить беззаботной студенческой жизнью. Но не могу же я ради этого отказаться от нее. А с другой стороны, я хотел бы до конца испробовать свои литературные наклонности. И семейная жизнь, наоборот, станет источником энергии, бодрости. Ведь я так люблю ее..

А еще на настроение действует просто эта осенняя погода, пустые, безжизненные однообразные поля? Снега на них почти не осталось. Грязь, ветер. Ветер воет так уныло. Какая тоска!

5 марта, Кильденен

Нахожусь во взводе Дунюшкина. Тут стоит штаб 69-го корпуса, от передовой км 2–3. Деревня сильно разбита. Кони и подводы стоят в сараях, а живут в подвале. Он большой каменный и сухой. Можно оборудовать не хуже землянки, но никто не хочет. Оконца заткнуты перинами. Спали на полу на соломе.

Говорил с ребятами об отношении к немцам – жителям и к их добру. На другой день рассказал об итогах январско-февральского наступления и о Крымской конференции. Сенченко сказал потом: «Такие беседы нам почаще бы».

Обстановка во взводе мне не понравилась. Девчонки (их четыре) не слушают Дунюшкина, все их мысли совсем о другом. А что делать? Им же двадцать лет. З. прямо говорит: мне 21 год, ведь уходит самая лучшая пора. При мне к ней приходил ее воздыхатель – ефрейтор из штаба, с которым она хочет все порвать, потому что он приходит редко.

На участке 69-го корпуса немец отошел км на 4–5.

Сенченков привез меня к нашим «челюскинцам». В доме две комнаты. В первую ночь все легли в большой. А Клавка почему-то захотела лечь в маленькой, где стоял телефон, но лечь одной она боялась. Я предложил ей лечь вдвоем. Она без раздумий согласна. Мы умастились на узкой одинарной софе. Чтобы не свалиться, лежать надо было только на боку и в обнимку. Ну, а уснуть при таких обстоятельствах я не смог. Тем более, что на ней была тоненькая майка-безрукавка... А она, чертовка, делала вид, что спит. И потом, когда надо было подойти к телефону, даже стала рассказывать какой-то сон, который только что видела. Так я и не уснул часов до четырех, когда она, тоже, видно, измучившись, ушла спать к СИ... О, если бы Нина видела меня в ее объятьях!

3-го числа от Гончарова узнал, что «Мечты о встрече» уже напечатаны в «Разгромим врага». На корпусной почте дали газету за 1 марта, где напечатано это стихотворение. Первая публикация! Конечно, приятно. Но как-то и неловко: ведь в армии столько знакомых, а стихи такие интимные. А «С тобой и без тебя» Симонова в «Знамени»? Там уж такой интим!..

8 марта

Неожиданность: капитана Требуха сменил старший л-т Савчук Тот самый, что еще в Мосальске был заместителем по строевой. Что-то слабо его повышают: ушел лейтенантом – пришел через два года старшим.

Видимо, предстоит большая передислокация, но все же для девчат решили устроить вечер. К празднику многих из них наградили медалями. Трех офицера – Красную Звезду. А Эткинд, еще не услышав приказ, уже приколот колодочку.

Гастрономическая подготовка к празднику идет полным ходом. Вызван повар Роберман, Годин тоже не стоит, возится на кухне. Ну, а мне в этот светлый праздник опять выпало дежурить.

Жуков и Рокоссовский вышли в Балтийскому морю, первый – у Кольберга, второй – у Кезлина. Померании остается померать. Союзники взяли Кельн. Черепаха ползет...

11 марта

Совершив 150-километровый рейс, оказались км в 15 от Кенигсберга. Обосновались в подвале одинокого дома в лесу. Восемь человек из роты направляют в зенитное училище. Эткинд спросил: «Не хочешь?» Нет... И никто не хочет. Слышал разговор полковника с Савчуком и Шустом: «Кто не хочет в училище, тех пошлю в пехоту. Сам отвезу!» Вот рыло...

16 марта

Итак с училищем все прошло благополучно. Уехали Корнеев, Овчаренко и Кизилев. Вот уж из Корнеева офицер будет... Но он единственный, кто поехал по желанию.

Сегодня новый ротный Савчук собрал младших командиров и произнес речь. Мы перед ним стоим, а он, развалясь в кресле, закинув ногу на ногу, с улыбочкой нас поучает дескать, я не Требух, я наведу порядок, у меня будет дисциплина, я добьюсь, что все будут приветствовать друг друга и т. п. Зачем такие глупости говорить столь решительно? Знаем мы этих наводителей порядка.

Вот уже шестой. Новая метла всегда хочет хорошо мести. Словом, он мне уже не нравится.

Сегодня была серьезная стычка с Пименовым и Эткиндром. Этот хмырь Пименов шьет себе сапоги и по этой причине запретил чинить сапоги солдатам. Имея несколько пар, шьет новую. Да еще сказал сапожнику Устименко: «Что ты каким-то кузкам сапоги чинишь?» Это мы-то – кузки. Ах, подлец!

19 марта

Сегодня послал письмо С. Швецову в «Р.В.» в ответ на его письмо, в котором он заподозрил меня в плагиате: не сдул ли я где-то стихов «Все ближе заветная дата»? Послал ему «На Кенигсберг»:

Мы видели много на нашей земле
Разбитых дотла городов:
И Жиздры кроваво-кирпичный след,
И камни твои, Могилев...
Всю ненависть нашу и горечь утрат
В стихах рассказать не берусь я.
Сейчас под твоими ногами, солдат,
Всем миром проклятая Пруссия.
Ты будешь наказан советским бойцом,
Кровавое логово Коха,

За русских, расстрелянных под Осовцом,
За тяжесть последнего вздоха.

23 марта, Кноппельсдорф

Вчера утром я направился в деревню Нойхаузен в 481 – й минометный полк, где должно было состояться совещание комсоров спецчастей.

Мой путь лежал через д. Кноппельсдорф, где стоит пост Дунюшкина. Я разыскал его и посидел у них

Совещание проходило в уютной, хорошо прибранной комнате какого-то старинного замка. Это первый настоящий замок, который мне довелось видеть. Совсем как в романах Вальтера Скотта: зубчатые стены, башни, тяжелые ворота, ров, когда-то наполнявшийся водой. Так и несет от каждого камня Средневековьем, тевтонством.

Совещание продолжалось часов пять. Первые полтора часа занял майор Найштут: «Приказ № 5 – боевая программа окончательного разгрома врага». Потом выступления с мест. И я кратко выступил.

25 марта

Стоит чудесная весенняя погода. Проселочные дороги подсыхают. Появились бабочки, набухли почки сирени. Воздух пахнет землей, навозом и прелью, протяжно и грустно свистят дрозды.

Весной у меня всегда как-то тревожно и грустно на душе. Ждешь чего-то нового, неизвестного. Что принесет эта весна – победу? Встречу с Ниной?.. Весна лучшее время для встреч, для любви.

Морозов, Дейнеко и я вчера были посланы в распоряжение 39-й армии занять дома для ПВО и роты. 39-я уходит на другой участок. В этой деревне стоит Юрескул. Ночевали у него в доме из восьми комнат.

29 марта

Ночую последнюю ночь в роте. Все-таки направляют меня на курсы. 27 месяцев протекло здесь. Как всему и ко всем привык, а то и сроднился. Ухожу с таким же чувством, с каким в 42-м уходил из дома. Уже распрощался со всеми. Комсомольские дела сдал Михайлину.

О чем жалею? Единственно, о друзьях. Ведь как привык я к Адайчику, к Райсу, к Шуре Бароновой да ко всем.

Путь лежит в д. Вилау км 6–8 от Тапиау Итак, в путь! Прощай, 103-я!

3 апреля

Напрасно я прощался. Видно, в этой роте и кончать войну придется. Лантух-пентюх из политотдела дал мне неверный адрес. Курсы не в Вилау, а в Швиндау Я два дня проблуждал, устал, как черт, и пропала вся охота идти на эти курсы. Да и шел-то я без большого желания.

По дороге прочитал заявление Рузвельта, чтобы его сенаторы и секретари были начеку «на случай немедленной победы в Европе». Я перепугался. Ведь так хочется встретить окончание войны среди старых друзей в родной роте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.